

ПОСЛЕДНИЙ ТРЮК

Себастьян де Каstell

«Даже вся магия мира
не стоит того,
чтобы продавать за неё
свою совесть...»

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл

Последний трюк

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9 (71)

ББК 84(7Кан)-44

де Каstell С.

Последний трюк / С. де Каstell — «Эксмо», 2019 — (Творец
Заклинаний)

ISBN 978-5-04-103340-8

Финальная книга серии «История утраченной магии»! Келлен и белкокот Рейчис поступают на службу к молодой королеве Дарома. Впервые Келлен чувствует, что становится таким, каким хотела бы его видеть наставница Фериус – настоящим аргоси. Даже Рейчис начал ценить благородную цель в жизни (правда, иногда, по старой памяти, приворовывает из королевской казны). Но порой приходится играть теми картами, которые выпали, и сегодня они не сулят мира. В тысячах миль от Дарома назревает война, о которой уже давно предупреждали аргоси. Война, которая придёт в каждый дом. Келлен и Рейчис не могут оставаться в стороне, когда на карту поставлено столько жизней! Как вдруг неожиданный источник приносит известие – есть один способ избежать кровопролития, но для этого Келлену придётся кое-кого убить...

УДК 821.111-312.9 (71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-103340-8

© де Каstell С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог. Карточный трюк	6
Город Теней/Город славы	13
Глава 1. Арест	14
Глава 2. Колода карт	18
Глава 3. Лейтенант	23
Глава 4. Арга фортезия	29
Глава 5. Шептуны	34
Глава 6. Талант влипать в неприятности	37
Глава 7. Свидетель	40
Глава 8. Блесна и крючок	45
Глава 9. Вопрос	48
Глава 10. Миссия	50
Глава 11. Долг	54
Глава 12. Посланник	58
Глава 13. Агент	61
Город мечты	64
Глава 14. Приступы гнева	65
Глава 15. Похороны	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Себастьян де Кастелл

Последний трюк

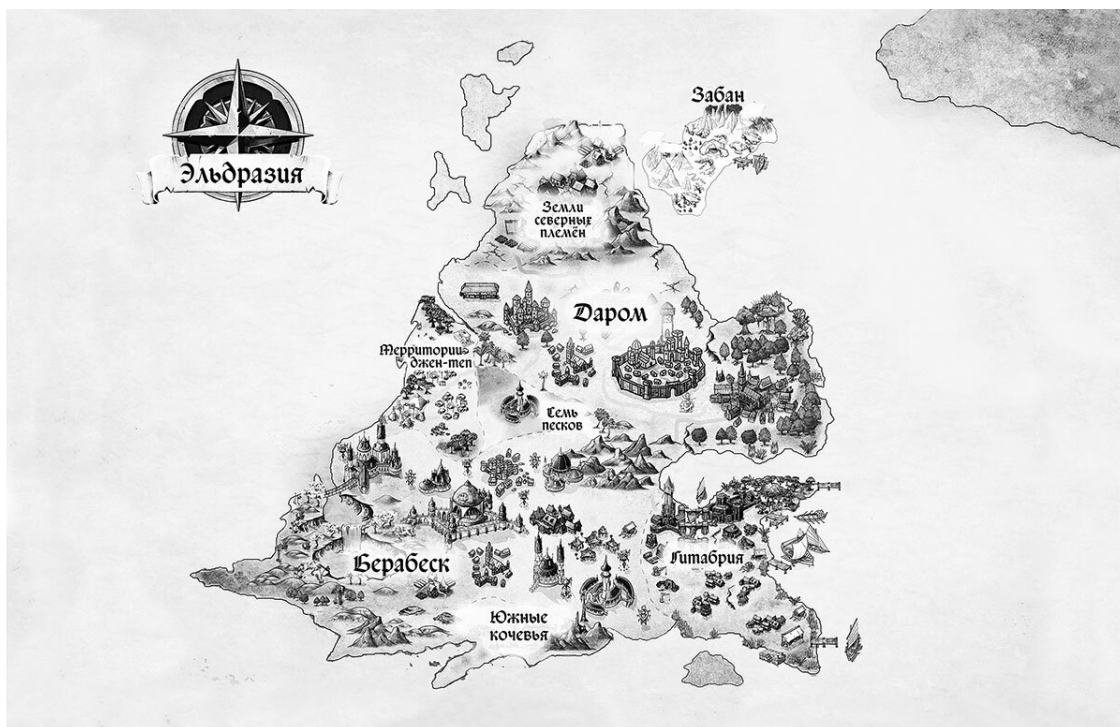
Sebastien de Castell
Crownbreaker

© Овчинникова А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Настоящей Фериус Перфекс. Худший из твоих тейзанов каждый день вспоминает твои уроки.

Пролог. Карточный трюк

Старик сдал мне туза. Снова. Я поднял его и тут же уронил лицом вверх рядом с другим тузом и двумя валетами, лежащими передо мной. Одним краем карта задела краюшку заплесневелого, высохшего хлеба, прилипшего к столу, а туз наклонился в мою сторону, словно указывая на очевидное.

– Два валета и каждый с тузом, – произнёс я. – Итого – пара копыеносцев.

Старик подался вперёд – у него была кривая улыбка, лицо обрамляли длинные каштановые сальные волосы и борода. Он запротестовал, показывая, что никак не ожидал так влипнуть.

– Значит, я снова продул?

Он оглядел комнату, как будто выступал перед публикой. В заведении было пусто, если не считать храпевшего в углу пьяного и бармена, спустя рукава подметавшего пол.

Старик снова повернулся ко мне и, уронив одну руку на колени, второй подал знак бармену, чтобы тот налил ещё эля в кружки, которые были не чище половиц.

– Похоже, вы не слишком хороший игрок, – заметил я.

Мой раздражающе весёлый партнёр улыбнулся. У него были идеальные зубы, замусоленные волосы, поношенная одежда, тонкая, как марля. Сандалии старика напомнили мне шоу, где танцовщицы, обмотавшись кусками ткани, прыгают по сцене; раздетыми их не назовёшь, но они точно простудятся, если выйдут на улицу. А его зубы? Ровные. Чистые. Идеальные. Стоило взглянуть на руки старика, и становилось ясно, что на его пальцах нет мозолей, а ногти аккуратно подстрижены.

– Невольно задашься вопросом, что могло заставить лорд-мага забрести в салун и проматывать деньги в картишки, – сказал я, постукивая по кучке монет на своей стороне стола.

Я начал эту ночь всего с одной монетой. Старик пожал плечами:

– Возможно, я выше таких ничтожных забот, как деньги.

– Возможно. – Я сделал глоток эля и тут же об этом пожалел. – С другой стороны, может быть, вы и не прочь понаблюдать, как я всю ночь перекалдываю монеты с вашей стороны стола на свою, но вы явно не хотите, чтобы я с ними ушёл.

Маг собрал карты и снова начал тасовать.

– Мне говорили, что ты смыслённый.

– Обязательно поблагодарите за комплимент того, кто это сказал.

Он снова сдал карты для «Деревенского ограбления». По четыре каждому. В счёт шли только повёрнутые лицом.

Получив сдачу, я увидел, что все четыре – двойки. Старик только что всучил мне восьминового коня. Думаю, на этот раз он не позволит мне победить.

– Значит, так всё и будет? – спросил я.

– Именно так и будет.

Улыбка старика неожиданно исчезла. Так же как и его притворство.

– Сегодня ночью ты умрёшь, Келлен из дома Ке.

– Сдаётся, вы меня с кем-то спутали, дружище.

Я скинул двойку колесниц в битую на середине стола. Старик дал мне новую карту, она тоже оказалась двойкой. Классный трюк.

– Тебе «сдаётся», вот как? – он усмехнулся. – Думаешь, нелепый приграничный акцент скроет, кто ты?

Нет, ну это просто подло! Между прочим, я всё утро упражнялся правильно растягивать слова, чтобы получалось, как надо.

– На сей раз тебе не уйти, Келлен, – продолжил маг. – Ты тот, кто ты есть. А я тот, кто я есть. Конечно, у тебя имеется немного магии и даже несколько трюков. Но ты не лорд-маг.

– Никогда и не претендовал на это.

Старик фыркнул:

– Конечно, нет. Как тебя называют эти дароменские варвары? «Королевский Творец заклинаний»?

– Мне кажется, её величество предпочитает титул «королевский наставник в картах».

Я уронил на кучку карт двойку требушетов.

– «Её величество», – насмешливо повторил старик с издевательским прискуливанием и сплюнул на стол, отчего тот не стал ни грязнее, ни чище. – Маленькая паршивка разозлила не тех людей, Келлен. Но она слишком хорошо защищена – политика и дипломатия, сам понимаешь. Поэтому меня отправили преподавать ей урок, поставив тебя в пример.

Старик фыркнул, явно застигнутый врасплох собственной сообразительностью.

– Как думаешь, теперь это делает меня «королевским наставником в манерах»?

– Не представляю, как я могу быть примером, дружище, поскольку, повторяю – я не тот Келлен, которого вы ищете.

Он протянул мне ещё карту. Это была двойка с изображением пары черепов. И это особенно впечатлило, потому что в дароменской колоде нет масти – черепа.

– Не хотите научить меня этому трюку? – спросил я.

– Какой смысл?

Его пальцы дёрнулись, и карта вспыхнула.

– Я рассчитывал, что человек с твоей репутацией изгнанника будет прятаться лучше, но заклинание шёлка привело меня прямо к тебе. Честно говоря, парень, я так разочарован, что у меня есть искушение убить тебя немедленно и покончить с этим.

Я вскинул руки, одарив его самой обаятельной из своих улыбок.

– Эй, не надо торопиться. Я просто зашёл выпить и поиграть в карты. А теперь почему бы вам не описать того парня, Келлена? Может быть, я его где-нибудь видел.

Маг захихикал.

– Твоего роста, сложен, как ты.

Он бросил на стол валета требушетов лицом вверх.

– Твой льстивый язычок, твои волосы навозного цвета.

Он перевернул карту, и она оказалась валетом клинков.

– Это описание подойдёт любому жителю здешних мест, – ввернул я. – Кроме того, не вам пренебрежительно отзываться о чужих волосах, дружище.

– И, конечно...

Маг снова подбросил валета в воздух. На этот раз, когда он приземлился, стало видно, что это та же самая карта, но теперь у валета был замысловатый чёрный узор вокруг глаза.

– ...у человека, которого я ищу, такая же отвратительная Чёрная Тень вокруг левого глаза, как и у тебя, Келлен из дома Ке.

Я откинулся на спинку стула и заплотировал.

– Ну вот! Теперь это какая-то чудесная магия. Уверены, что я не смогу убедить научить меня этим вашим замечательным карточным фокусам?

– Хватит трюков, Келлен. – Он пригрозил мне пальцем. – О, ты ускользнул от нескольких мелких магов и заработал скромную репутацию с тем малым количеством магии, что у тебя есть. Я не сомневаюсь, ты произвёл впечатление на некоторых здешних олухов. Может, даже пленил двенадцатилетнюю девочку, которая называет себя королевой. Но тебе нечего противопоставить настоящему лорду-магу, Келлен. Поэтому сейчас ты умрёшь.

Я огорчённо вздохнул.

– Как я уже говорил, вы меня с кем-то перепутали.

– Хочешь сказать, что в этих краях есть другие люди с чёрными метками вокруг левого глаза?

Я пожал плечами.

– Может, это просто грим. Вроде новой моды. Эдакая... манерность?

– Манерность? Как будто кто-то в здравом уме стал бы добровольно разгуливать с Чёрной Тенью, запятнавшей его душу.

Он хлопнул в ладоши.

– Беру свои слова назад, парень. Ты такой забавный, что почти жаль тебя убивать. К несчастью, ты прикончил слишком много магов джен-теп.

Старик собрал карты, взял небольшую стопку и разложил веером на столе. Одиннадцать карт. Все короли.

– Если верить слухам.

– Может, даже больше? – спросил я, перевернув ещё одну карту, взятую из колоды.

Было бы здорово, если бы это чудесным образом оказался король, но это была шестёрка стрел.

– Всё возможно, – ответил старик.

– Похоже, тот парень, Келлен, крайне опасен. И вы ничуть не боитесь пострадать, гоняясь за ним по всем дароменским землям?

– Нет.

Я опёрся локтями о стол и заглянул старику в глаза.

– Вы настолько уверены в себе? Вы действительно настолько сильны?

– Так и есть. Но в отличие от дураков, с которыми ты встречался прежде, я ещё и осторожен. Вот почему я подстраховался перед нашей встречей, просто на всякий случай.

Я постучал пальцем по куче монет.

– На случай, если проиграете в карты кучу денег?

Он усмехнулся.

– В некотором смысле. Карты нужны просто для того, чтобы удержать тебя в кресле, которое, как ты вскоре узнаешь, я вчера заколдовал магией более древней и грязной, чем ты можешь себе вообразить.

Я посмотрел на своё кресло.

– Эту шаткую старую штуковину? Мне неприятно говорить вам это, дружище, но если кресло должно прямо сейчас меня убить, то план не очень хорошо работает.

– Убить тебя? Не болтай глупостей. Я хочу приберечь это удовольствие. Нет, я наложил на кресло симпатическое связывающее заклинание, Келлен. Когда на него садится маг, чары постепенно овладевают магией внутри него. Теперь даже крошечной капельки силы в татуировке магии дыхания на твоём предплечье достаточно, чтобы она держала тебя крепче дуба или железа.

Старик жестом велел мне встать.

– Давай. Попробуй шевельнуться. Чем больше ты будешь бороться, тем сильнее заклинание будет привязывать тебя к креслу, пока в конце концов ты не задохнёшься от давления магии.

Я на мгновение задумался.

– С виду действительно гениально. Не могу представить, как выбраться из столь дьявольской ловушки. Интересно, почему никто никогда не пробовал его раньше на том человеке, Келлене.

Старик хихикнул.

– О, немногие могут сотворить подобное заклинание, уверяю.

– Тогда любопытно, почему ту дюжину – или сколько там человек сидело сегодня в кресле до меня – заклинание, похоже, не беспокоило.

Старик явно рассердился, это было видно по его лицу.

– Как я уже говорил, связывание действует только на магов джен-теп. Тебе стоило бы оценить комплимент, Келлен. По крайней мере, теперь люди будут вынуждены признать, что ты не был полностью лишён магических способностей.

– Да-да. Жестокая и хорошо продуманная ловушка. И всё же...

Я забарабанил пальцами по столу.

– Всё же – что?

Я запрокинул голову и лениво уставился в потолок.

– Ну, мне кажется – рискованно вкладывать столько усилий в такую банальную вещь, как кресло, полагаясь на то, что жертва сядет именно на него.

– Никакого риска. Всю прошлую неделю тебя здесь видели каждый вечер, и каждый раз ты сидел в одном и том же кресле. Поэтому я позаботился о том, чтобы занять своё кресло до твоего прихода, а бармен позаботился, чтобы никто не сидел на твоём, пока ты не появишься. Кроме того, я выбрал ночь, когда большинство здешних варваров отправилось праздновать день рождения своей маленькой королевы.

– Конечно, это разумно. И всё-таки...

– Что?

– Ну Келлен должен быть дьявольски умным преступником, не так ли? Гением по части ускользания от врагов?

– Гением? Нет. Хитрецом – возможно. У него определённо в рукаве есть несколько трюков.

Я кивнул, соглашаясь.

– Правильно. Хитрец. Ловкач. Поэтому я вот о чём: не в характере ли хитрого и пронырливого парня догадаться, что вы задумали, и прийти накануне, чтобы поменять кресла? Похоже, у него действительно сверхъестественные способности к выживанию. Что, если он пробрался сюда вчера вечером после закрытия, поставил ваше кресло сюда, а своё... Ну туда, где вы сейчас сидите. Разве технически это не означает, что вы находитесь под действием связывающего заклинания?

Маг прищурился. Попытался поднять руку, но разинул рот, когда она не шевельнулась. Он рванул рукав своей робы так, будто тот приклеился к подлокотнику. Потом начал яростно ёрзать, пытаясь выбраться из кресла, но безуспешно. Его движения становились всё неистовее, пока наконец он не уставился на меня через стол, беззвучно и беспомощно шевеля губами. Он выглядел так, словно ему на грудь давил свинец, и эта сила увеличивалась с каждой минутой. Его веки затрепетали и закрылись.

В комнате воцарилась тишина.

И тут старик рассмеялся. Он легко поднялся с кресла и похлопал себя по животу.

– Ой, ой, какое у тебя выражение лица! Клянусь, мальчик, оно бесценно! Как у палача, который, стоя на эшафоте, вдруг обнаруживает петлю на собственной шее!

– Что ж, – сухо сказал я, – это было настоящее представление.

Старик поклонился в пояс.

– Благодарю, благодарю.

Усевшись, он снова начал хихикать.

– Я предупреждал тебя, Келлен: я просто немного умнее тех магов, с которыми ты сражался в прошлом.

– Немного умнее, – признал я.

– Я знал – ты можешь прознать о моих планах, поэтому принял меры предосторожности. И убедился, что кресла с утра первым делом проверили. Поэтому после того, как ты пробрался сюда прошлой ночью и поменял их местами...

– Ваш сообщник снова поменял их ещё до моего прихода.

Я посмотрел на бармена, на лице которого играла мрачная улыбка.

– Разве так обращаются с постоянными клиентами?

Маг хлопнул ладонями по столу.

– Боюсь, хоть это и было забавно, мне давно уже пора получить вторую половину награды. Значит, надо завершить наши с тобой дела.

Бармен подошёл и поставил на стол пыльную бутылку вина и штопор.

– Вам не кажется, что следует хотя бы предложить мне бокал того, чем вы празднуете, прежде чем меня убить?

– Вино? – спросил старик, поднимая бутылку. – О нет. Его я приберегу на потом.

Он поставил бутылку на стол, достал из кармана робы белую тряпку и принялся протирать штопор.

– Вот это, – сказал он, показывая мне штопор, – я собираюсь ввинтить в твой чёрный глаз. После чего вырву из тебя жизнь.

Я сглотнул.

– Позвольте заметить – звучит несколько варварски для такого солидного господина.

– Таково требование моих дароменских работодателей, – объяснил он. – Осквернение трупов врагов для них нечто вроде традиции. И послание их маленькой королеве будет более ясным.

Я сочувственно кивнул.

– Работа по найму может быть препаршивой.

– Не возражаю. – Он повертел в воздухе сверкающий штопор. – Лорд-маги редко пачкают руки, но я испытаю искреннее удовольствие, вкрутив это тебе в глаз, причиняя ужасную боль, пока ты сидишь, вопя от муки, но не в силах пошевелить ни единым мускулом, – он содрогнулся от собственных фантазий. – Скажем так, эта идея интригует. Подозреваю, ты задохнёшься, борясь со связывающим заклинанием, прежде чем умрёшь от ран.

Я прикусил губу.

– Не смогу ли я отговорить вас от всего этого? Может, заключим сделку?

Маг покачал головой. Он улыбнулся в последний раз, показав свои идеальные зубы, и встал, крепко сжимая штопор в правой руке.

– Что ж, пропади всё пропадом! – закричал я. – Если сегодня настал день моего свидания с предками, думаю, я встречу с ними стоя.

– Я же объяснил, что есть...

Уж не знаю, что старик собирался сказать дальше. Слова замерли на его губах, когда он увидел, как я встаю с кресла.

– Это не так...

Я взял бутылку вина и заметил дату розлива, нацарапанную толстым пером. Наверное, самая дорогая бутылка в заведении. Должно быть, маг получил хороший гонорар.

– Здесь что-то не так, – сказал маг. Он походил на сконфуженного старика, обнаружившего, что заблудился очень далеко от дома.

– Может, заклинание не сработало? – предположил я.

– Невозможно. Мои заклинания никогда меня не подводят. Никогда.

– Ну в том и заключается загадка. – Я поднял палец. – Возможно, этот парень, Келлен, гораздо могущественнее, чем вы думаете.

Старик начал бормотать:

– Но... Но все знают, что Келлен из дома Ке – самый слабый из магов. Он толком не пробудил в себе магию, только татуировку дыхания. Его магия слаба, как у ребёнка!

Я задумчиво кивнул.

– Угу, даже я об этом слышал. Поэтому, если ваши заклинания никогда не подводят, а Келлен недостаточно силён, чтобы их разрушить, остаётся только одно объяснение, не так ли?

Я взял со стола белую салфетку и начал стирать макияж с левого глаза.

– Предки! Ты меня обманул! Ты не...

Я невинно улыбнулся.

– Будьте же справедливы, друг. Я пытался предупредить вас, что я не Келлен из дома Ке, которого вы ищете. Если вспомните, я говорил об этом несколько раз.

К магу вернулось самообладание, его палец задёргался, создавая то, что джен-теп называют телесными формами.

– Кем бы ты ни был, раз кресло тебя не связало, у тебя нет магии, чтобы защититься. Поэтому или сейчас ты скажешь мне, где прячется Келлен, или я заставлю тебя молить о быстрой смерти!

– Я расскажу вам это задаром, – сказал я, швыряя грязную тряпку через плечо мага. – Он прямо за вами.

Маг резко обернулся. Бармен лежал на полу без сознания. Пьяница, храпевший в углу, стоял теперь позади старика, вытирая тряпкой левый глаз.

– Трюк! – закричал маг. – Грязный трюк!

Келлен Аргос – по крайней мере, так он назвался, когда нанимал меня, – сочувственно улыбнулся старику. Вызывающий беспокойство чёрный узор вокруг его глаза, копию которого мы несколько часов рисовали вокруг моего, теперь блестел в тусклом свете лампы.

– Вы сказали правду, лорд-маг: действительно, магии, с которой я могу работать, ничтожно мало. Трюки – вот и всё, что у меня есть.

Выполняя свою часть контракта, я изо всех сил ударил мага бутылкой вина по затылку. Стекло разлетелось на сотни осколков, вино разлилось по сальным волосам старика. Он смялся, как мешковина.

Келлен Аргос опустился на колени рядом с магом, прислушался к биению его сердца, а потом обыскал его мантию и вытащил мешочек с монетами. Он выудил оттуда несколько монет и сунул себе в карман, прежде чем отдать остальное мне. Я заглянул внутрь. Там было небольшое состояние, достаточное, чтобы купить мелкий титул и симпатичный маленький особняк на окраине столицы, если я того захочу. Достаточно, чтобы вызвать мои подозрения.

– А в чём подвох?

Келлен схватил потерявшего сознание мага за руку.

– Помоги-ка мне с ним.

Вдвоём мы подняли старика и усадили обратно в кресло, в котором раньше сидел я.

– Это кажется слегка жестоким, – сказал я.

Келлен потрепал старика по голове.

– Не хуже того, что он готовил для меня. Кроме того, его хозяева уже едут сюда, чтобы отпраздновать такое событие. Может быть, они сжалются над ним и наймут другого мага, который освободит его от связывающего заклинания.

– Почему бы просто его не убить? Вы не боитесь, что он расскажет людям, как вы всё провернули?

– На это я и рассчитываю.

Келлен подошёл к скамье, на которой притворился спящим, и взял своё пальто и чёрную шляпу с серебряными иероглифами на полях.

– В следующий раз, когда враги королевы захотят нанять лорда-мага для выполнения грязной работы, им придётся заплатить за такую привилегию чуть больше.

Он направился к низеньким двустворчатым дверям салуна.

– Ещё один вопрос, – выпалил я, прежде чем он успел выйти. – Вы же работаете на королеву, верно? Я имею в виду, служите при дароменском дворе?

– Именно это мне продолжают твердить.

– Тогда почему здесь нет дюжины королевских маршалов или дворцовой стражи, чтобы вас прикрыть?

Он водрузил на голову шляпу, которая была ему великовата. Хотя мы действительно были похожи – достаточно, чтобы одурачить незнакомцев, – он был на пару лет младше меня и выглядел куда более... усталым.

– А ещё мне твердят, что я плохой партнёр.

– Что же будет в следующий раз? – не отставал я. – Вы не можете проделать один и тот же трюк дважды.

Он распахнул двери, впустив с улицы затихающие звуки ночного праздника. Потом снова повернулся ко мне. Злая усмешка появилась в уголках его губ, как у крысы, убегающей через окно после того, как спёрла твой ужин.

– Думаю, в следующий раз мне придётся придумать новый трюк.

Город Теней/Город славы

ГОРОД СЛАВЫ

У каждого города есть две стороны. Первая мерцает и сияет – величественные башни высоко вздымаются, привлекая взоры путешественников за мили и мили, – обещаниями культуры и доброй компании. Что же касается другой стороны? Ну, как и в любом хорошем трюке, иногда лучше не приглядываться к тому, что скрыто от глаз.

Глава 1. Арест

Нет ничего, что воняло бы хуже столицы летом. Улицы, и без того переполненные господами и трудягами, начинают трещать по швам, когда бесконечные караваны торговцев, дипломатов и тех, кто обнищал из-за неурожая или чужестранных налётчиков, текут через ворота в поисках прибыли или защиты.

На сверкающей белой арке у входа в город красовалась надпись с манящим девизом дароменской столицы: *Emni Urbana Omnia Vitaris*.

«Имперский город процветает».

А кроме того, канализация.

В том и заключается особенность крупных городов: они могут решить проблему голода с помощью больших запасов продовольствия, проблему безопасности – количеством солдат и почти любую другую проблему с помощью приличного количества денег. Да, очень много дерьма придётся гонять вокруг, прежде чем каменные плиты начнут смердеть.

– Здесь воняет, – просвистел откуда-то сверху Рейчис.

Мягкое трепетание меховых летательных перепонок, и белкокот с лёгким шлепком опустился мне на плечо. Мой двухфутовый, вороватый, кровожадный деловой партнёр обнюхал моё лицо.

– Забавно, но от тебя не пахнет мертвецом.

– Всё в порядке, – буркнул я, не желая возобновлять долгий спор, начатый в предрасветные часы, когда я в одиночку отправился к магу, посланному, чтобы меня убить. Всё, что мне сейчас было нужно, – это ванна, немного тишины и, возможно, несколько спокойных часов без покушений на мою жизнь.

Рейчис снова меня обнюхал.

– На самом деле ты воняешь хуже мертвеца. Это виски?

Он ткнулся мордой мне в волосы с более чем заинтригованным видом. За год жизни в столице Дарома Рейчис расширил список своих нездоровых пристрастий. Сейчас туда входило: сдобное печенье, слишком дорогой янтарный ликёр пацоне, несколько сортов гитабрийских вин (естественно, дорогих) и, конечно же, человеческая плоть.

– Ты не забыл принести мне глазные яблоки мага? – осведомился белкокот.

– Он не был мёртв.

– Об этом я не спрашивал.

В таких случаях опасно, когда белкокот сидит на плече в рискованной близости от твоих мягких, вкусных человеческих ушей. Видите ли, белкокоты, с их пухлыми кошачьими телами, большими пушистыми хвостами, шерстью, меняющей цвет в зависимости от настроения, и мохнатыми перепонками между передними и задними конечностями, позволяющими планировать с верхушек деревьев (или «летать не хуже любого проклятущего сокола», как заявил бы Рейчис), могут – если смотреть на них, прищурившись, издали и предпочтительно сквозь пьяную дымку – выглядеть почти мило. На самом деле они не милые. Щенки милые. Кролики милые. Ядовитые песчаные гремучки берабесков кому-то симпатичны. Но белкокоты? Они не милые. Они злые!

– Рейчис... – начал я.

Дыхание белкокота удивительно тёплое, когда его морда меньше чем в дюйме от мочки твоего уха.

– Давай, скажи это!

«Предки!» – подумал я, краешком глаза заметив, что метки Чёрной Тени Рейчиса вращаются. Чуть больше года назад вокруг его левого глаза появились такие же извилистые чёрные узоры, какие есть вокруг моего. Однако, в отличие от меня, возможность однажды стать

неистовым демоном, терроризирующим весь континент, ничуть не беспокоила Рейчиса. Такая перспектива откровенно радовала его.

Спасение от, возможно, смертельного укуса белокота пришло в виде полудюжины пар топающих тяжёлых ботинок. Вскоре последовал красноречивый шелчок снятого предохранителя арбалета.

– Келлен Аргос, по приказу лейтенанта Либри из королевской службы маршалов – вы арестованы.

Я вздохнул.

– Опять?

Первый осторожный скрежет спускового крючка арбалета о железный корпус.

– Подними руки выше, меткий маг.

Я даже не заметил, как мои пальцы потянулись к висящим по бокам футлярам с порошками. Наверное, рефлекторно, хотя к тому времени я уже привык, что меня арестовывают каждую неделю.

Я поднял руки, медленно повернулся и увидел маршалов в их обычных широкополых шляпах и длинных серых плащах. Маршалы, как всегда, были вооружены короткими жезлами и арбалетами – и всё оружие было направлено на меня.

– Хотите, чтобы я зачитал ордер? – спросил сержант Фаустус Кобб.

Невысокий, тощий, узкоплечий, уже давно не в расцвете сил, он выглядел потешно рядом со своими более молодыми и энергичными подчинёнными. Но опыт общения с королевскими маршалами научил меня, что с возрастом они отнюдь не становятся менее опасными... Только более злобными, когда им сопротивляешься.

Что касается меня, мне исполнилось восемнадцать, и я устал больше, чем позволительно уставать в мои годы. Моя рубашка ещё не просохла от выпивки, которую я вылил на себя, чтобы замаскироваться под пьяницу в салуне, и я был сильно раздражён.

– В чём меня обвиняют на сей раз?

Кобб устроил целый спектакль, зачитывая ордер:

– Заговор с целью покушения на жизнь иностранного эмиссара, находящегося под защитой дипломатического представителя...

Да, верно: старик, который пришёл меня убить, имел в Дароме статус посла, будучи лордом-магом джен-теп.

Кобб продолжал:

– Жестокое физическое насилие...

«Недостаточно жестокое».

– Воровство...

«Я так и знал – не стоило оставлять себе ни одной монеты».

– Действия, направленные против интересов дароменской королевы и народа, которому она служит...

Это приписывается в каждый ордер. Плюньте на тротуар, и вы формально «действовали против интересов» королевы.

Кобб сделал паузу.

– Здесь есть ещё кое-что – как «незаконно быть раздражающим, полоумным метким магом-шулером, который не делает то, что ему велят»... Но я не уверен, что в этом есть состав преступления.

А я был почти уверен, что это единственное преступление, которое беспокоит Ториан.

– Забавно – она уже выписала ордер, прежде чем мага нашли, – заметил я.

Кобб ухмыльнулся.

– Похоже, лейтенант уже раскусила тебя, Келлен.

Я действительно начинал испытывать неприязнь к лейтенанту Ториан Либри. Хотя в дароменской столице было полно людей, стремящихся превратить мою жизнь в ад, лишь немногие продемонстрировали грубую решимость и паршивое чувство юмора.

– Вы ведь понимаете, что по имперским законам мой статус наставника королевы не позволяет преследовать меня за преступление, если сперва четыре пятых двора не проголосуют за лишение меня должности?

Один из младших помощников дружелюбно усмехнулся. На прошлой неделе я позволил ему обыграть меня в карты в тщетной надежде привлечь на свою сторону кого-нибудь из маршалов.

– А никто и не говорит, что тебя арестовывают.

– Пошли, меткий маг, – сказал Кобб, приглашая меня двигаться вперёд.

Рейчис издал низкое рычание.

– Ты собираешься терпеть этот бред, Келлен? Опять? Давай убьём этих голокожих! Ты должен мне три глазных яблока, вот тебе возможность расплатиться.

– Три? Сколько глаз, по-твоему, было у того мага? – спросил я.

Единственная девушка-лейтенант среди маршалов вопросительно посмотрела на меня. Наверное, она была новенькой – остальные привыкли к нашим с Рейчисом перепалкам.

– Разве можно быть в чём-то уверенным, говоря о людях? – просвистел белкокот. – Ваши лица настолько уродливы, что всякий раз, начиная считать глаза, я сбиваюсь, потому что меня тошнит. Кроме того, два глаза ты должен был мне час назад. Третий – это проценты.

Великолепно! Теперь в придачу к воровству, шантажу и убийствам Рейчис захотел внести в список своих преступных делишек ещё и ростовщичество.

– Давайте прибавим шагу, – проворчал Кобб. – Вы же знаете, лейтенант не любит, когда её заставляют ждать.

Несколько его помощников рассмеялись – хотя ни один из них не посмел бы перечить ей. Я нехотя поплёлся по широкой мощёной улице к своей тюрьме – тринадцатой по счёту с тех пор, как стал наставником королевы в картах.

– Эй, а это что такое? – спросил Рейчис, показав на нечто маленькое и плоское, плывущее к нам по ветру над самой землёй.

Под моими ногами лежала игральная карта.

– Не останавливайся, – приказал Кобб.

Я не двигался, разглядывая замысловатые рисунки на карте: на её верхней половине был изображён великолепный город. А нижняя походила на зеркальное отражение верхней, только искажённое в тёмной, колышущейся луже чёрной воды.

– Ты выронил? – спросил Кобб, наконец-то заметив карту.

– Сержант Кобб, – начал я, – прежде чем всё зайдёт ещё дальше, мне нужно прояснить пару вещей.

– Да? Например, каких?

– Во-первых, я не имею никакого отношения к внезапному появлению этой карты.

– Ну и что? Просто игральная карта. Вряд ли ты единственный картёжник в столице.

Как бы оспаривая банальное объяснение Кобба, вторая карта опустилась на землю рядом с первой. Затем ещё одна и ещё; каждая, вращаясь, пролетала чуть дальше предыдущей, постепенно заключая меня в круг.

– В какие игры ты играешь, меткий маг? – спросил Кобб, делая шаг назад.

Я услышал, как щёлкнули предохранители нескольких арбалетов. Теперь я стоял в кольце искусно раскрашенных карт, их цвета – меди, серебра и золота – были настолько сочными, что улица по сравнению с ними казалась тусклой и безжизненной. Я повернулся к полудюжине хорошо вооружённых мужчин и женщин, которым поручили проводить меня до тюрьмы.

– Маршалы, позвольте принести вам свои искренние извинения.

– За что? – спросила одна из них, подняв арбалет и прицелившись в меня.

Карты на земле мерцали всё ярче и ослепляли; я уже не видел ничего, кроме игры красок, высасывающей свет из окружающего мира.

– За неудобства, связанные с моим спасением, – ответил я.

Сомневаюсь, что кто-нибудь меня услышал. Город вокруг превратился в плоское бесцветное пространство: здания, улицы, даже сами маршалы выглядели так, словно их вырезали из тонких листов бледной слоновой кости. Рейчис осел на моём плече и захрапел.

Навстречу мне кто-то шёл – одинокий источник ослепительного цвета, окутанный золотистым вихрем магии песка, бледно-синими чарами дыхания и сверкающим пурпуром магии шёлка.

Торжественное появление такого рода обычно сопровождается разочарованным вздохом моей сестры Шеллы... ныне – Ша-маат. За вздохом вскоре следуют пространные комментарии относительно моего взъерошенного вида и тех неприятностей, которые моё недавнее поведение причинило нашей благородной и всеми уважаемой семье. Да, время от времени именно отец сообщает о последнем преступлении, совершённом мной против нашего народа. Ожидая его возможного появления, я сунул руки в футляры с порошками, висящие на талии по бокам.

С того самого момента, как я покинул свой народ – почти три года тому назад, – я знал: настанет день, когда мой великий отец больше не сможет мириться с моим жалким существованием. Друзья и враги много раз спрашивали, есть ли у меня какой-нибудь хитрый трюк, какая-нибудь коварная уловка, чтобы провести могущественного Ке-хеопса, прежде чем тот сумеет меня убить.

У меня имелся такой трюк. Я просто не был уверен, что он сработает.

– Келлен.

Это не сестра и не отец. По правде говоря, я так давно не слышал этот голос, что поначалу даже не узнал.

Постепенно магические татуировки блёкли, их блеск потускнел настолько, что я наконец-то смог понять, кто мне явился... И вот я стою, понятия не имея, что произойдёт дальше, а два красных и чёрных порошка, с помощью которых я обычно устраиваю огненный взрыв, просачиваются сквозь пальцы.

– Мама?

Она указала на карты вокруг меня.

– Выбери карту, Келлен, – сказала она. – Любую.

Что происходит в последнее время с людьми и карточными трюками?

Глава 2. Колода карт

Ребёнком я твёрдо верил, что Бене-маат – лучшая мать, о какой только может мечтать мальчик джен-теп. Она была островком терпения и спокойствия в бурном море непреклонных амбиций моего отца и истерик моей сестры. Весь наш клан уважал маму за магическое мастерство, но её увлечение астрономией и целительством выдавало пытливую натуру, не поглощённую всецело искусством магии. Она отличалась от Ке-хеопса и Шеллы, и я тоже, если уж на то пошло.

Если второй долг родителей – любить своих детей одинаково, то Бене-маат прекрасно справлялась с этим в обществе, ценившем магические таланты Шеллы в тысячу раз больше, чем мои способности. И если первейший долг матери – защищать своих детей, что ж, Бене-маат неплохо справлялась и с этим. . . Вплоть до того дня, когда приготовила мне зелье, а после помогла отцу, который связал меня контрмагией – перечеркнул контрсигилами мои татуировки, навсегда лишив меня магии, являвшейся сутью каждого джен-теп. Я снова и снова кричал матери, чтобы она остановилась, но тщетно.

Теперь передо мной стояла женщина, которую я не видел почти три года, и безмятежно повторяла:

– Выбери карту, Келлен. Любую карту.

Я подумывал, сказать любимой матери, чтобы она убиралась прочь, но моя семья – сама настойчивость, поэтому я осторожно уложил дремлющего Рейчиса на землю и рассмотрел тринадцать карт, образовавших вокруг меня магический круг. Я потянулся к первой, с изображением зданий в стиле дароменской столицы, где мы находились, и надписью «Город Славы».

– Не эту, – сказала мать.

– Почему бы и нет?

Я услышал ответ в своей голове за долю секунды до того, как её губы шевельнулись.

– Она – основа моей магии. Подними её – и чары разрушатся, а наша встреча закончится.

Я всегда был непослушным ребёнком. Жизнь изгнанника отнюдь не излечила меня от этого недостатка. Я снова потянулся к «Городу Славы».

– Пожалуйста, – произнёс голос в моём сознании прежде, чем это сказал призрак матери. – Прости, что приходится так неуклюже с тобой общаться, но я не смогла как следует воссоздать чудесное заклинание твоей сестры для связи на расстоянии. Мне пришлось положиться на гораздо более древнее заклинание, придуманное твоей бабушкой ещё до твоего рождения.

И мать в третий раз повторила те же указания:

– Выбери карту, Келлен. Любую карту.

«На самом деле её здесь нет, нет даже её призрака», – понял я.

Бене-маат, должно быть, воспользовалась магией шёлка, песка и дыхания, чтобы записать свои мысли и передать их мне с картами в виде отдельных сообщений, как пачку писем, перевязанных бечёвкой, – в заклинании зашифрованы определённые ответы, основанные на том, как я себя поведу.

Оставшиеся двенадцать карт разделились на четыре незнакомые мне масти, что говорило о многом, учитывая, со сколькими мастями я уже имел дело.

В колоде аргоси каждая масть соответствует определённой цивилизации нашего континента. В более распространённых колодах игральных карт для развлечения, масти, как правило, обозначаются символами, важными для данной культуры. Например, стандартная дароменская колода воплощает одержимость её народа военными знаками: колесницы, стрелы, требушеты и клинки. Однако четыре масти этой новой колоды не были похожи ни на одни из тех, что я видел раньше.

Свитки, перья, лютни и маски.

Неужели моя мать сама придумала масти? А если да, что означает каждая из них?

Я выбрал семёрку лютней, рассудив, что никого никогда не убивали лютней.

Бене-маат улыбнулась, и в её руках появился инструмент. Она заиграла мелодию, которая так неожиданно тронула моё сердце, что я чуть не задохнулся от восторга.

– Ты любил эту песню, когда был ребёнком, – пробормотала она. – Ты просил меня играть её часами, когда тебе бывало страшно или грустно.

Я отбросил карту, словно она превратилась в паука, ползущего по моей руке.

Мама кивнула, слегка печально, как будто знала, что я отреагирую именно так.

– Выбери карту, Келлен, – повторила она. – Любую карту.

Я обратил внимание на карту с изображением человека, аккуратно раскладывающего на весах писчие перья. Надпись гласила: «Учётчик перьев».

Призрак матери теперь сидел за столом и писал письмо. «Мой дорогой Келлен. Прошло почти три года с тех пор, как я в последний раз прикасалась к твоему лицу. Я никогда не думала, что такое возможно. Я всегда полагала, что ты вернё...»

– В чём дело? – спросил я. – Ностальгия? Ты забыла, что сделала со мной, мама?

Я закатал рукава, чтобы показать грязные контрсигилы, оскверняющие татуировки на моих предплечьях.

– Ты разрушила все мои надежды стать магом вроде тебя, отца и Шеллы.

Я не ожидал ответа, но ощутил покалывание в затылке, и спустя мгновение мать снова заговорила.

– Я знаю, ты сердисься на нас, Келлен. Ты имеешь на это полное право.

Я начинал понимать, как работает эта магия. Я не общался с матерью напрямую, но её послания были чем-то большим, нежели просто словами, нацарапанными на странице. Заклинание было составлено из полного спектра её эмоций, запечатлевшего тот единственный миг, когда мать собрала воедино все свои размышления и вложила их в карту.

Призрачная слеза скатилась по её щеке.

– То, что мы сделали, разбило моё сердце. Мы верили, что защищаем тебя, защищаем мир от того, кем ты можешь стать. Мы понятия не имели, как сильно ошибались.

«Тебе следовало бы догадаться, – с горечью подумал я. – Мать должна защищать своего ребёнка, а не губить его».

Но вслух я ничего подобного не сказал. Я знал: на самом деле передо мной нет Бене-маат, и всё же не мог бросить в лицо своей матери такие обидные слова.

– Благодарю за любезное послание, – сказал я наконец. – Мы закончили? У меня важная встреча в тюремной камере. Поэтому, если у тебя нет чудодейственного лекарства от...

Бене-маат вытянула руку, указывая на другую карту. Я положил на место ту, которую держал в руках, и взял девятку перьев.

Выражение лица мамы стало решительным; вокруг неё страница за страницей расположились наброски и схемы эзотерических формул.

– Каждый день с тех пор, как ты уехал, я пыталась найти способ снять контрсигилы. Я прочла все до единой книги знаний в наших святилищах, консультировалась с мастерами чар по всей стране. Я изучила каждый клочок пергамента, которые твой отец привёз из Аббатства Теней, надеясь отыскать в них сведения об эфирных гранях Чёрных Теней; сведения, дающие способ восстановить твою связь с высшей магией. Временами мне казалось, что я уже близко...

Она замолчала, в отчаянии сжимая кулаки. Её образ затрепетал и исчез.

«Чары, должно быть, требуют полной сосредоточенности, чтобы запечатлеть сообщение в карте, – подумал я. – Каждый раз, когда она теряет концентрацию, ей приходится останавливаться и начинать всё заново».

– Что значит «близко»? – спросил я. – Ты хочешь сказать, что есть лекарство?

Другая карта засветилась ярче остальных. Продавец масок. Я поднял эту карту.

– Очень многое из того, что мне говорили, оказалось ложью, Келлен. Фальшивыми обещаниями. Так называемые тайные методы нанесения новых сигиллов в результате породили лишь временные иллюзии.

– Значит, всё безнадёжно?

Думаю, не стоило удивляться. Я знал: из всего, что я потерял, покинув свой народ, единственное точно никогда не удастся вернуть – волшебство. Я научился жить с этим. Владея только лишь магией дыхания, имея взрывчатые порошки, монеты кастрадази и разные трюки, которые я сумел освоить в дороге – иногда я даже гордился тем, что могу перехитрить своих врагов без заклинаний. Но порой я просыпаюсь посреди ночи, и каждый дюйм моего тела блестит от пота, а пальцы дёргаются, вспоминая десятки соматических форм: я тысячи раз упражнялся, чтобы суметь сотворить заклинания, которые никогда не произнесу. Я так отчаянно хотел ощутить вкус магии! Его не заменит никакая еда или питьё.

Как и весь мой народ, я был одержим. Я подсел на магию, когда на моих предплечьях появились первые татуировки. Я никогда не смогу утолить эту жажду, и вряд ли она когда-нибудь ослабеет.

Призрак матери показал за мою спину, я обернулся и увидел вора масок – карта поднималась над другими, маня взять её. Когда я это сделал, мама перешла на шёпот:

– Может быть, способ существует.

Я обернулся, чтобы посмотреть на Бене-маат: она стояла на прежнем месте. В её взгляде читалась неуверенность, как будто она боялась – кто-то ворвётся и прервёт наше общение.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

Она изо всех сил пыталась выдать из себя слова, не теряя сосредоточенности, необходимой, чтобы и дальше передавать свои мысли карте.

– Наш народ... ошибался насчёт магии, Келлен. Ужасно ошибался! И только сейчас мы понимаем цену их ошибки. Фундаментальные силы гораздо сложнее, чем мы предполагали, и формируются иначе, чем мы могли себе представить. Есть обычаи, столь же древние, как и наши собственные – широко распространённые у разных народов, проживающих на этом континенте. Большая часть народных знаний утеряна, но я обнаружила следы былого в старых песнях и историях.

Неудивительно, что ей было так трудно поддерживать заклинание. Слышать, как маг джен-теп признаёт, что не только наш народ способен творить высшую магию, было своего рода святотатством, беспокоившим даже меня.

– Далеко отсюда есть место, где, как мне кажется, я смогу найти средство, чтобы искупить вину за преступление, которое мы с твоим отцом совершили, – и вернуть тебе шанс стать истинным магом джен-теп.

На её лице читалась решимость, я помню это выражение ещё с детства.

– Клянусь, сын мой, нет такой цены, какую я не заплачу, чтобы подарить тебе будущее.

Я сглотнул. Моё дыхание участилось, сердце забило слишком быстро. То, что предлагала мама, открывало такие перспективы... Но я путешествовал по дорогам этого континента, перевидел почти все разновидности мошеннических игр и сам играл в половину из них. Не всё поддельно в нашем мире, но ценное не даётся даром.

Я потянулся к карте с изображением двух людей, обменивающихся товарами над развёрнутым свитком. Мой народ не пользуется свитками для заклинаний или посланий. Мы предпочитаем их для подписания контрактов.

– Вернись домой, – сказала мама. В её голосе звучала скорее мольба, чем начальное предложение цены на аукционе. – Вернись к нам. Теперь твой отец – Верховный маг. Он снял с тебя ордер-заклинание.

– Жаль, он не упомянул об этом тому лорд-магу, который только что пытался меня убить.

Призрак матери ничего не ответил. Конечно, Бене-маат и не могла ничего сказать, она не знала о последнем покушении на мою жизнь. Кроме того, могу поспорить, того парня наняли дароменские заговорщики, а не мой народ.

– Вернись ко мне, – повторила мама. – Даже если мне не удастся восстановить твою магию, я всё равно смогу подарить тебе тепло родного дома.

«Дом». Такое странное слово. Я больше не был уверен, что понимаю его значение.

– Я наблюдала за тобой с помощью магического кристалла, когда получалось – выследить тебя очень трудно, – сказала Бене-маат. – Честное слово, я не шпионила за тобой, но мне нужно было иногда видеть тебя материнскими глазами, а не слышать о тебе из уст твоей сестры и других людей.

В тумане за её спиной возникали и исчезали картины и образы моей жизни, которую я веду с тех пор, как покинул родину. Сцены насилия, преследования; вот я сижу один после драки и выгляжу куда более несчастным, чем я помнил.

– Храбрец для окружающих, искусный обманщик – это не ты, Келлен. Ты не создан для такой жизни. Ты несчастлив.

Счастлив? Последние три года я сражался с каждым магом, наёмником или монстром, которых только мог предложить наш континент. Я пережил их всех. Попутно спас нескольких порядочных людей. Разве этого недостаточно? Неужели теперь я должен быть счастлив?

Мама потянулась ко мне с отчаянной надеждой во взгляде и прошептала:

– Возвращайся домой, сынок.

Карта в моей руке казалась тяжёлой. Липла к коже. Я осел на землю и, прежде чем ещё одна успела засветиться, взмыть в воздух или иначе привлечь моё внимание, перемешал их все, разорвав круг и разрушив заклинание. Карты снова стали тусклыми и плоскими, а мир вокруг ожил.

«Прощай, мама».

– Теперь двигайся очень медленно, меткий маг, – сказал Кобб.

Я услышал, как маршалы шаркают за моей спиной, держа пальцы на спусковых крючках арбалетов. Они как будто не были обеспокоены и даже не подозревали о паривших здесь картах, которые я теперь держал в руке. Наверное, для маршалов не прошло и секунды – всё происходило исключительно в моей голове.

– Эй, – прорычал Рейчис, свернувшись калачиком на земле. – Почему ты бросил меня здесь?

– Извиняюсь, – сказал я и ему, и маршалам, запихивая в карман необычные мамини карты-вестники. Я поднял белкокота и снова посадил на плечо. – Двигаем дальше. Пора Ториан Либри снова посадить нас под замок.

Маршалы усмехнулись, и мы продолжили путь к дворцу.

– Знаешь, в чём ты допустил ошибку с лейтенантом? – спросил Рейчис.

– Не начинай, – предупредил я.

Есть только три варианта, которые белкокоты предлагают в качестве разрешения конфликта между людьми: убить, обобрать до нитки или... Последний приводит Рейчиса в больший восторг – обычно он подталкивает меня к совершению гадостей – например, провести с врагом ночь любви.

– Надо было ловить момент в тот день, когда ты её встретил, – серьёзно сказал белкокот.

– Эти штучки работают намного лучше, когда оппонент тебя не презирает, – возразил я.

Двое маршалов за моей спиной расхохотались. Рейчис воспринял их веселье как ободрение... не то чтобы он в нём нуждался.

– Нет же, эта самка точно на тебя запала, понимаешь? – Он стукнул лапой по своей пушистой морде. – Я почувал это в тот день, когда королева представила вас друг другу. Клянусь всеми двадцатью шестью Богами белкокотов! Келлен, маршал от тебя без ума!

Вот уж неправда. Кроме того, весьма сомнительно, что существует двадцать шесть белокошачьих Богов. Но в таких случаях лучше не спорить с маленьким чудовищем.

– А теперь вот что тебе следует сделать...

Рейчис попытался – и потерпел сокрушительную неудачу – подавить свистящий смех.

– Сначала снимаешь брюки. Женщинам это нравится. Затем поворачиваешься и виляешь перед ней попой. А потом нужно только упасть на колени и издать этот звук...

Я не собираюсь описывать его вопли. Достаточно сказать, что они были настолько отвратительны, насколько вы можете себе вообразить. Рейчис не затыкался до самого дворца.

Глава 3. Лейтенант

Императорский дворец Дарома был моим домом весь минувший год, и куда более роскошным местом, чтобы оставить там шляпу, чем цепь захудалых придорожных таверн, кишящих блохами, и тесных тюремных камер, которые обычно служили преступнику жилищем. Однако это не делало его более удобным.

Диковинное и элегантное убранство дворцов с позолоченными залами, потрясающие портреты и величественные статуи – всё это действительно стоит увидеть. А если ты не родился в подобном месте? Ведь, живя во дворце, поневоле чувствуешь себя маленьким. Убогим. Незванным гостем, чьё присутствие омрачает торжественность обстановки.

Этого достаточно, чтобы заставить человека призадуматься, следует ли ему вообще тут находиться.

– Ну и кто позволил паршивому, никчёмному преступнику разгуливать в таком прекрасном, респектабельном здании, как это? – спросила лейтенант Ториан Либри.

«Не лезь в драку, – напомнил я себе. – Позволь ей отволочь тебя в камеру, и к утру королева прикажет тебя освободить. После чего... – я понюхал подмышку, – будет весьма полезно – долго-долго отмокать в ванной».

Ториан небрежно – можно сказать, неуважительно – прислонилась к статуе Гефанта IV, знаменитого злобного дароменского монарха, учредившего службу королевских маршалов более века тому назад. При жизни Гефант нарушил традицию, отказавшись от вычурного королевского облачения в пользу довольно простого серого кожаного плаща, более подходящего, чтобы прятать ножи и удавки, которые он любил пускать в ход против потенциальных убийц. И по сей день тускло-серая одежда остаётся обычной униформой почти каждого маршала в Дароме, за исключением Ториан Либри: она выкрасила свой длинный кожаный плащ в тёмно-красный цвет.

Она утверждает, что такой цвет лучше скрывает пятна крови.

– Соскучился по мне, меткий маг? – спросила она, подмигнув.

Тут следует упомянуть – что касается безжалостных блюстителей закона – Ториан Либри – самая красивая женщина, какую я когда-либо встречал.

Хотите знать, насколько она красива?

– Такие холосенькие... – пробормотал Рейчис.

Белкокот сидел у меня на плече, положив одну лапу мне на макушку, и широко раскрытыми глазами смотрел на лейтенанта. Что ж, знаю, о чём вы думаете: почему белкокота (тем более утверждающего, будто человеческие лица настолько уродливы, что его рвёт при каждой попытке сосчитать их глаза, не успеваешь он дойти до двух) завораживает эта голокожая?

– Самые холосенькие глаза, какие я когда-либо видел, – мечтательно просвистел он.

Представьте себе глаза цвета самого яркого индиго – ярче лазуритовых руд в голубой пустыне Семи Песков. Глубже и богаче вод у побережья Гитабрии, которые местные жители называют Сапфировым морем. Настолько манящие, что не один поэт-любитель из придворных бредил о блаженстве утонуть в этих глазах.

Что касается меня, обычно я стараюсь не тонуть.

Насколько я сумел разузнать, Ториан была всего на пару лет старше меня. Череда удачных поисковых операций и поимка самых опасных преступников в дароменской империи позволила ей подняться по карьерной лестнице гораздо быстрее её сослуживцев-маршалов – факт, который бесконечно их раздражал.

Однажды я повстречался с одним из тех, кого она поймала. Парень поклялся – аккуратно перед тем, как его уволокли на виселицу, – будто видел, как Ториан в одиночку уничто-

жила шестерых отлично обученных убийц, преследуя их в горах. Он решил, что его оставили в живых только для того, чтобы кто-нибудь мог поведать её историю.

– Я нацелил арбалет прямо на неё, – повторял он снова и снова. – Но эти глаза... Боги моря и неба – один взгляд, и я просто не смог заставить себя выстрелить.

Есть что-то особо трогательное в ожидающем казни человеке, очарованном красотой маршала, которая отправила его на виселицу.

Но когда Ториан Либри тебе улыбается... Когда эти высокие скулы становятся ещё выше, а длинные чёрные волосы мерцают, словно оникс, ниспадая на шею такими гладкими волнами, что можно смотреть на них целый день, даже не думая о том, как сильно тебе хочется её задушить...

И, да... Эти глаза.

– Как сапфиры, – промурлыкал Рейчис.

Стоит отметить, что белкокоты вообще-то не мурлычат.

Лейтенант Либри коротко кивнула шести сопровождавшим меня маршалам, и они оставили меня на её попечение. Никакого прикрытия, никаких наручников. Потому что Ториан любила напоминать, что она быстрее меня и может легко вогнать мне в горло один из своих любимых метательных ножей длиной в палец, прежде чем я дотянусь до футляров с порошками.

– Мы не можем продолжать встречаться вот так, картёжник, – начала она, взяв меня под руку и ведя через большую приёмную, словно я сопровождал её на королевский бал, а не был пленником, идущим в дворцовые подземелья.

Она положила голову мне на плечо.

– Люди начнут думать, что мы влюблены друг в друга.

Её абсурдно нежное поведение привлекло внимание знати и придворных, бродивших по дворцу, ища возможность продвинуть свои интересы и нанести поражение соперникам. Рейчис, которого пристальные взгляды убедили в том, что им восхищаются, встряхнулся, изменив цвет меха с естественного коричневого на насыщенный серебристый с синими полосками – почти такого же оттенка, как глаза Ториан.

– Ну и ну, – засмеялась она. – Разве ты не красавец, плутишка?

Серебристая шубка Рейчуса вспыхнула розовым. Неподдалёку пара гитабрийских купцов-лордов, выглядевших особенно блистательно благодаря щёгольским пурпурным шляпам, стали громко шептаться на языке моего народа, джен-теп, чтобы я точно мог услышать оскорбления в мой адрес.

– Видел животное, только что прокравшееся в королевский дворец? – спросил один. – В шерсти этой грязной твари, наверное, полно блох.

Второй весело захихикал.

– Действительно... Может, ему лучше одолжить блох у белкокота?

Почти год я прожил во дворце, и, клянусь, каждый, кто ходит по его коридорам, думает, будто первым придумал эту шутку. Есть, конечно, и варианты. «Как от него воняет зверьём... И белкокот пахнет немногим лучше!» – очень популярная шутка. Иногда придворных забавлял мой акцент: «Что за ужасное мяуканье издаёт зверюга? О, думаю, наставник её величества в картах выучил новое слово!»

Лично мне больше всего нравились жаркие споры о том, кто же из нас двоих – Рейчис или я – спаривался с разными животными со скотного двора. Рейчис ничего не имел против пристальных взглядов и насмешек, главным образом потому, что объектом шуток обычно являлся я, а ещё потому, что оскорбления помогали ему наметить цели для следующего ограбления.

– Ага, – буркнул он, спрыгнув с моего плеча и приземлившись на мраморный пол. – Сейчас принесу ту пурпурную шляпу.

– Ты же белкокот, – напомнил я. – Зачем тебе понадобилась шляпа?

Он огрызнулся и посмотрел на меня, как на идиота.

– Хочешь сказать, что я буду плохо смотреться в шляпе?

Не дожидаясь ответа, он удалился, чтобы совершить свой последний подвиг белкокошачьего воровства.

– Знаешь, кто глупо выглядит в шляпе? – ворчал он. – Ты выглядишь глупо в шляпе. Я нагажу в неё, вот что я сделаю. Правда, ты, скорее всего, не заметишь.

Ториан улыбнулась, глядя вслед Рейчису. У неё слабость к белкокошуту, возможно, она видит в нём родственную душу – в животном, которое предпочитает разрешать конфликты с помощью кровопролития.

Она потянула меня за руку, и мы продолжили шествие по большому залу. Резкий поворот направо привёл нас к лестнице, ведущей на нижние этажи дворца, где располагались кухни и кладовые. И, само собой, подземелье.

– Королева об этом узнает, – сообщил я, спускаясь по лестнице.

– Королева меня любит, – возразила Ториан.

К сожалению, так и было. Королева Джиневра питала слабость к жёстким, решительным молодым женщинам, а более жёсткой и решительной, чем Ториан Либри, не существовало. Кроме самой королевы, конечно.

Мы подошли к ряду из шести камер, предназначенных для заключённых, которых королева предпочитала держать поблизости. Каждая камера была необычайно хорошо обставлена – с красно-золотыми бархатными занавесками, обеспечивающими тепло и уединение. Над привинченным к полу маленьким письменным столом и крепким стулом висела табличка с надписью на архаичном дароменском языке. Я всё ещё не сумел перевести эту надпись, но почти не сомневался, что она гласит: «Да, ты влип». Койка в углу, хоть и узкая, была довольно удобной.

В таких камерах можно хорошо выспаться – как я выяснил, проведя в них гораздо больше времени, чем положено одному из королевских наставников её величества.

– Меня королева тоже любит, – напомнил я Ториан.

Кажется, сейчас она должна отпереть дверь и запихнуть меня в одну из камер. Вместо этого она повернулась ко мне, в её глазах отразился свет лампы.

– Как жаль, что ты, похоже, не испытываешь к ней взаимных чувств, меткий маг.

– То есть?

Ториан начала расхаживать вокруг меня в узком коридоре, периодически останавливаясь, чтобы ткнуть меня острым ногтем.

– Мне сдаётся, если бы ты действительно заботился о её величестве, то перестал бы раздражать её маршалов, которые, если ты забыл, отвечают за безопасность королевы. Вот первое правило.

Тык.

«Не заглядывай наживку, – напомнил я себе. – Просто позволь ей немного тебя помучить, и скоро ты всю ночь будешь наслаждаться хорошей и удобной камерой».

– Второе правило состоит в том, что ты должен выполнять свою работу, а она – насколько я могу судить – заключается в том, чтобы играть в карты с её величеством. Рассказывать ей анекдоты. Заставлять её смеяться. Время от времени расхаживать по дворцу – с этими своими взъерошенными волосами и хорошеньким личиком, изрекая премудрости аргоси о «Пути Воды», дабы разжигающие вражду дворяне нашей забытой Богам империи начали нервничать настолько, что строили свои убийственные планы в отношении тебя, а не королевы.

Ториан вдохнула и спросила:

– Ну, картёжник? Можешь что-нибудь сказать в своё оправдание?

– По-твоему, у меня красивое лицо?

Тык.

– Я могла бы не обращать внимания на всё остальное ради неё. Но нарушение третьего правила, меткий маг! Это то, чего ни я, ни люди, на которых я работаю, не могут простить.

Она снова попыталась меня ткнуть, но моё терпение было на исходе, и на сей раз я отвёл её руку.

– Если ты собираешься запереть меня на ночь, сделай это, и хватит уже...

– Третье правило, – продолжала она, подскочив ко мне, – если ты когда-нибудь услышишь сплетни о том, что на мою территорию вторгся наёмный маг джен-теп, ты первым делом явишься с этой информацией ко мне, чтобы я могла выполнить свою работу.

Тут она развернулась, обращаясь к отсутствующей аудитории.

– Но что вместо этого делает меткий маг, шулер аргоси? Он тайком выходит из дворца, чтобы сразиться с лорд-магом в одиночку. Даже не берёт с собой проклятого белкокота, который, честно говоря, начинает смахивать на мозг вашей компании.

– Ты, кажется, забыла одну вещь, лейтенант.

Она пристально посмотрела на меня, мгновенно поймав в ловушку цвета индиго. Уголок её рта приподнялся, совсем чуть-чуть, в намёке на улыбку. Когда Ториан заговорила, её слова вырывались тихими выдохами, как будто она читала вслух книгу любовных стихов:

– Я забыла, что ты перехитрил мага, не так ли?

– Да, – ответил я, хотя в тот момент не мог вспомнить, с чем именно соглашаюсь.

Как бы странно это ни прозвучало, я не сомневался, что её величество королева Дарома, Джиневра I, велела Ториан Либри быть моей связной со службой маршалов (или «нянькой», как выразилась Ториан) из некоего извращённого желания увидеть, как мы поженимся. Мы оба были молоды, оба свободны. У Ториан имелась бесконечная орда поклонников, выпрашивающих её внимания. У меня... Ну, думаю, в конце концов у нас не так уж много общего. Тем не менее королева, казалось, решила нас свести.

«И она ещё задаётся вопросом, почему столько подданных желают её смерти».

Ториан постучала пальцем по моей груди. По чистой случайности палец попал в дыру на рубашке. Я почувствовал покалывание, когда её кожа коснулась моей.

– Ты одурачил его одной из своих хитроумных уловок? – спросила она, не убирая кончик пальца.

– Довольно оригинальной, раз уж ты об этом заговорила. Видишь ли, я нанял актёра, чтобы...

– Мне.

Тык.

– Всё.

Тык.

– Равно.

Тык.

– Ой! Вот теперь ты меня оцарапала!

Она подняла палец, показывая единственную каплю крови, прилипшую к ногтю.

– Бедный ребёнок. Скажи мне вот что, картёжник. Что станет с моей королевой в тот день, когда у тебя закончатся фокусы?

Мне уже второй раз задавали этот вопрос. При нормальных обстоятельствах он послужил бы поводом для размышлений, но я уже устал от того, что в меня тычут пальцем и толкают, предъявляя претензии, которые я слышал уже десятки раз. Сперва я решил не усложнять своё положение, но теперь сделал то, чего никогда не сделал бы ни один здравомыслящий человек: схватил лейтенанта Ториан Либри, возможно, самого опасного маршала в империи, за лацканы длинного кожаного пальто и оттолкнул.

Надо сказать, когда речь идёт о рефлексах и боевых приёмах, я не встречал никого опасней моей наставницы Фериус Перфекс. Но Ториан ненамного от неё отстаёт.

Она заломила мне руки за спину, и моя голова оказалось зажатой в прутьях одной из камер, прежде чем я успел завизжать, как потерявшийся маленький мальчик. Завизжал я вскоре после этого.

– Ты и вправду только что пытался поднять на меня руку, картёжник?

Её губы почти касались мочки моего уха, тёплое дыхание дразнило крошечные волоски на моей шее. В жизни нет более неловкого ощущения, чем быть одновременно напуганным и возбуждённым. И всё же, хотя с арта фортезия у меня не очень, с моим арта валар – или, как его называет Ферриус, «бахвальством» – всё в порядке.

– Тебе лучше промыть порез, – сказал я голосом спокойным, как стоячая вода, несмотря на боль в запястье – от хватки лейтенанта кости больно соприкасались друг с другом. – Ты же не хочешь, чтобы палец, которым ты в меня тычешь, загноился.

– О чём ты...

Она внезапно отодвинулась, удивлённо ахнув.

Свободной рукой я оттолкнулся от решётки и повернулся. Ториан недоумённо разглядывала кровь на своём пальце. Я подкинул в воздух её метательный нож и ловко поймал большим и указательным пальцами. Тонкое остриё сверкнуло красным.

– Хороший баланс, – сказал я и снова подбросил короткий клинок, прежде чем протянуть его ей рукояткой вперёд. – Не потеряй.

Она забрала нож не сразу. Похоже, пыталась осмыслить, что же произошло.

– Ты вытащил нож из моего плаща, когда меня толкнул. Спрятал его в руке, и, как только я вцепилась в твоё запястье, тебе осталось только шевельнуть пальцами, чтобы меня порезать.

Я молча кивнул.

– Довольно ловко для того, кто спотыкается о собственные ноги, когда его приглашают на танец.

Один раз такое было. Один раз.

– Теперь ты знаешь, – сказал я.

Она склонила голову набок.

– Теперь я знаю что?

Я тщательно подбирал следующие слова. Несмотря на всё недоверие, которое мы с Ториан испытывали друг к другу, я никогда не сомневался в её преданности королеве. Некоторое время назад, имея дело с другим вспыльчивым маршалом, я не сумел понять, насколько опасной может быть такая преданность. Моя оплошность чуть не убила нас всех.

– Ты спрашивала, что будет с королевой, когда у меня закончатся фокусы.

Она подняла кровоточащий палец.

– И твой ответ – бумажный порез?

– Мой ответ: у меня всегда есть ещё один трюк.

Я рискнул подойти ближе.

– Даю слово, лейтенант Либри, когда я использую последний трюк, когда у меня закончатся идеи, чтобы перехитрить своих врагов и врагов королевы, я приду к тебе. Я скажу: «пора», а потом оставлю службу королеве навсегда. Я выйду через городские ворота и буду брести до тех пор, пока не покину вашу страну.

Я протянул руку, чтобы мы могли скрепить сделку рукопожатием.

Её невероятно голубые глаза! Сперва она посмотрела на мою протянутую руку, потом прямо на меня. В кои-то веки в её взгляде не было насмешки или упрёка, просто печаль, заставшая меня врасплох.

– Мне бы хотелось, чтобы всё сложилось именно так, Келлен.

Ториан никогда не называла меня по имени. Всегда только «картёжник» или «мошенник» а иногда – «белкокошачий мальчик».

Талант красноречия аргоси – мы называем его арта локвит – учит, что каждый раз, когда произносится имя человека, это имеет смысл, каждая уникальная интонация полна знаков, ожидающих перевода. И то, что Ториан вдруг назвала меня по имени, сказало мне: что-то совсем, совсем не так.

Я посмотрел на свою грудь, на маленькую дырочку в рубашке, сквозь которую она ткнула меня ногтем. Кровь в крошечной, почти незаметной ранке уже стала сворачиваться, острое жжение сменилось покалывающим онемением. Я разорвал рубашку – неуклюже, потому что мои пальцы тоже начали неметь. Прямо под кожей вокруг красной точки засохшей крови медленно распухало пятно лазури, второе по красоте, которое я когда-либо видел после её бездонных глаз.

У меня поплыло перед глазами. Я поискал Ториан, но она не хотела встречаться со мной взглядом.

– Ты...

Я не мог найти нужных слов, чтобы спросить, зачем ей понадобилось травить меня, чтобы запереть на ночь в камере, хотя она прекрасно знала: я дюжину раз мирился с таким символическим заключением.

«Она не посадит меня в камеру, – слишком поздно осознал я. – Это была уловка».

Я внезапно потерял равновесие. Мои ноги подогнулись, я упал бы на твёрдый каменный пол, если бы Ториан не подхватила меня и не поддержала. Знакомое эхо каблучков маршальских ботинок донеслось из коридора: кто-то шёл в нашу сторону. Моя голова неуклюже опустилась на плечо Ториан.

– Проблема трюков в том, Келлен, – пробормотала она, – что ты не единственный, кто ими владеет.

Глава 4. Арта фортезия

Четыре человека несли меня на плечах, напомнив мне о четырёх двойках, что старик всучил мне в салуне. Дароменские картёжники называют такую сдачу восьминогой лошадю: зверем, на спине которого игроки переносятся в подземный мир в момент своей смерти.

Четверо петляли и петляли по незнакомым коридорам, спускаясь всё глубже и глубже в недра дворца. Открывали одну запертую дверь за другой, пока наконец не сошли вниз по лестнице, о существовании которой я не подозревал. Это тревожило, учитывая, как тщательно мы с Рейчисом обследовали дворец.

– Где?..

Не было смысла даже пытаться. Мой язык превратился в набухшую губку, которую я не мог выплюнуть.

Моей щеки едва ощутимо коснулась рука.

– Не разговаривай. – Голос Ториан прозвучал чуть громче отдалённого эха. – Ничего не делай, ладно? Просто... Доверься мне.

Из моей глотки вырвался мокрый кашель – наверное, я попытался рассмеяться. Наверное, будь я лживым манипулятором и отравителем, я бы тоже сказал своей жертве: «Не волнуйся, тебе только кажется, что я хороню тебя заживо. На самом деле я тайно спасаю тебя, поэтому просто доверься мне, ладно?»

Никогда не помешает внушить бедняге толику оптимизма, которую тот унесёт с собой в могилу.

Несмотря на туман, окутавший мои чувства, я не мог не восхищаться игрой Ториан. Пришли она какое-нибудь с виду безобидное приглашение или сделай вид, будто соблазняет меня, я был бы настороже. Вместо этого она арестовала меня, как всегда. Как всегда, проводила до камер дворца. Изрекала обычные оскорбления, всё те же завуалированные угрозы. Повторно. Это был ритуал.

Вот почему я позволил Рейчису убежать. Спустя несколько часов он проберётся в камеру, надеясь взломать замок и вытащить меня, как всегда. Если бы я заподозрил, что готовится нечто другое, я дал бы ему знак следовать за нами. В тот миг, когда яд начал действовать, он содрал бы с Ториан лицо вместе с «холосенькими глазками» и всем прочим.

Но маршал облапошила меня, как профи, а я спёкся.

Знаете старые романтические сказки об умном герое или героине, годами вырабатывавшими иммунитет именно к тому яду, которым враги собирались их парализовать?

Это не работает.

Не верите? Просто попробуйте. Валяйте. Отравитесь, скажем, несколькими листьями истощающей травы или щепоткой зимнецвета. А теперь... Ну, теперь вы мертвы. Небольшие дозы яда, принимаемые в течение долгого времени, имеют тенденцию накапливаться во внутренних органах, пока их не будет достаточно, чтобы вас убить.

Но, допустим, вы ухитрились выжить. Отличный план! Как только вы поправитесь – при условии, что это вообще возможно, и вы не обрекли себя на вечные муки – в бреду, в ловушке полубессознательного оцепенения до конца дней, пуская слюни и отчаянно ища способ объяснить близким, что вы бы предпочли умереть (большое спасибо!) – давайте, попытайтесь принять яд повторно.

Не может быть! Результат тот же самый.

Да, есть кое-какие виды алкоголя и табачного дыма, воздействие которых со временем становится менее выраженным, но их используют забавы ради. А знаете, что самое плохое? Атака вашей печени или лёгких. Это продолжается до тех пор, пока вы, кашляя, раньше времени не окажетесь в могиле.

Вот почему «... а потом они отравили молодого, подающего надежды героя» никогда не становится первым актом дерзкого побега.

Если только...

Если только вы не путешествуете с Фериус Перфекс. Я собственными глазами видел, как она избавлялась от симптомов паралича быстрее любого другого знахаря.

– Это нечестно, – сказал я однажды, на ватных ногах, мучаясь от приступов рвоты.

– Да неужели? – спросила она. Её руки слегка дрожали, когда она выуживала курительную соломинку из-под чёрного кожаного жилета. Она зажгла её одной из спичек, спрятанных рядом с отмычками в манжете дорожной рубахи.

Вьющийся голубой дымок вновь разбудил мою тошноту.

– О, предки, пожалуйста, не надо...

Фериус не выказала ни капли сочувствия.

– Я никогда не могла привить вам, дикарям джен-теп, хорошего вкуса. – Сделав вторую затяжку, она выпустила впечатляющую пару переплетённых колец. – Кроме того, после стольких месяцев в пути, после того, как на нас нападали столько раз, что не сосчитать, ты всё ещё беспокоишься о том парне, который, возможно, хотел получить награду за твою голову.

Следующие несколько секунд я потратил на то, чтобы сориентироваться в пространстве и сопроводить свой ответ мало-мальски угрожающим взглядом.

– Я другое имел в виду, и ты это знаешь.

– Что тебя беспокоит, малыш?

– Ты! – сердито выпалил я. К сожалению, я тут же изверг остатки нашего слишком дорогого – и, как оказалось, отравленного рагу. – Ты не крупнее меня. Ты ела ту же самую пищу. Так почему ты восстанавливаешься намного быстрее меня?

– А, – сказала она, выпустив ещё одну струйку дыма. – Ты об этом.

– Да, об этом!

Фериус устала на курительную соломинку, зажатую между большим и указательным пальцами. Мгновение я гадал, не в том ли кроется ответ – может, каким-то образом курение едких палочек даёт ещё что-нибудь, кроме вони. Но когда она наконец заговорила, слова прозвучали так тихо, что я подумал: может, Фериус не хочет, чтобы я их слышал.

– Арта фортезия.

– Талант аргоси к устойчивости?

Я узнал эти слова по единственной причине: несколько месяцев назад Роза, известная также как Путь Шипов и Роз, рассказала мне о семи талантах аргоси. Стоит отметить, что до того момента я даже не подозревал об их существовании, потому что моя предполагаемая наставница не удосужилась о них упомянуть.

– Полагаю, другие любят называть это стойкостью, – сказала Фериус. – А я считаю, что это просто доверие.

– Доверие?

Она выпрямилась и подошла ко мне, идеально держа равновесие, тогда как я дрожал и трясся, словно маленькое деревце, застигнутое слишком сильным ветром. Фериус сжала руку в кулак и показала его мне.

– Пожалуйста, не бей меня, – заскулил я.

– Извини, малыш. Только так можно усвоить этот урок.

«Предки, иногда я ненавижу её уроки».

Она ударила не сильно. Вообще-то сперва её рука двигалась так медленно, что я попытался увернуться, но в последний миг кулак набрал скорость и ударил меня в челюсть.

– Ой!

Я выругался.

– Какая маэтри бьёт своего тейзана сразу после того, как его отравили?

«Маэтри» – так аргоси называют учителя, а тейзан значит «ученик». Фериус ненавидит причудливые термины, вот почему я произношу их, когда она выводит меня из себя.

Она подняла бровь.

– Хочешь научиться арта фортезия или нет?

Я потёр подбородок.

– Ничего себе урок.

Она погладила меня по щеке.

– Бедный ребёнок.

Постойте...

«Бедный ребёнок»? Фериус никогда так не говорила. Ториан... это Ториан назвала меня «бедным ребёнком» после того, как ткнула ногтем».

Я ухитрился приоткрыть глаза, совсем чуть-чуть, и смутно увидел нечто, смахивающее на массивную железную дверь в конце узкого коридора. Ториан приложила палец к металлической поверхности и начала рисовать круг. Спустя пару секунд я услышал то, что лучше всего описать как лёгкое позвякивание: что-то вроде слабого эха далёких колокольчиков или звука, который издаёт хрустальный кубок, когда проводишь влажным пальцем по краю. Мгновение спустя низкий щелчок прогнал звон колокольчиков, и раздался скрежет отодвигаемых засовов.

– Оставьте его и уходите, – приказала Ториан четырём маршалам, которые меня несли.

Я понял, что меня прислонили к коридорной стене, а Ториан придерживает за плечи.

– Лейтенант, а нам не надо?.. – начал один из маршалов.

– Вам надо немедленно отсюда убраться.

В её голосе был лёд, а также ещё кое-что ей несвойственное. Трепет?

– Поверьте, вам не захочется, чтобы мужчины и женщины в этой комнате гадали, сможете ли вы узнать их.

Глухой стук каблуков по полу коридора дал знать об организованном и торопливом отступлении.

– Кто... – начал было я, но Ториан заставила меня замолчать, больно ударив по щеке.

Нет, подождите. Ториан не даёт пощёчин, это не в её стиле. Это сделала Фериус.

– Не отвлекайся от урока, малыш, – предупредила моя наставница. – Когда-нибудь он может спасти тебе жизнь.

Я оттолкнул её руку, что было слегка грубо с моей стороны, но Фериус только усмехнулась.

– Вот видишь?

– Что вижу?

Она снова протянула ко мне руку.

– Прекрати! – я отмахнулся снова.

– Вот. Ты опять это сделал. Так в чём заключается урок, малыш?

– В том, чтобы найти учителя получше?

Она в третий раз попыталась ударить меня по щеке, и в третий раз я отбросил её руку.

– В чём же заключается урок? – снова спросила она.

Урезонить Фериус Перфекс вам не помогут ни раздражительность, ни воинственность. Она будет повторять одно и то же снова и снова, пока не получит желаемый ответ. Или, по крайней мере, не услышит правильный вопрос.

– Какая разница, оттолкнул ли я твою руку?

– Что ты делал минуту назад?

– Блевал и изо всех сил старался не расквасить нос!

Она кивнула, будто я только что дал верный ответ.

– А теперь?

– Теперь я... Ааа!!!

Она ещё раз затянулась своей курительной соломинкой.

– Так в чём же заключается урок, малыш?

Даже после всего этого мне понадобилось время, чтобы догадаться, но в конце концов я понял.

– Паралич. Он не прошёл, но, как только я переключил внимание на что-то другое, мне стало лучше.

Она разломала свою курительную соломинку пополам и подняла вверх две половинки.

– Один её кончик действительно горит, и мы ничего не можем с этим поделать. Но второй воспламенится, только если ты в это веришь.

Она бросила оба кусочка на землю и затоптала тлевший.

– Большинство вещей в жизни таково. Частично пребывают в теле, частично – в уме. Мало что можно поделать с телом, но с умом...

Она поманила меня.

– Подойди поближе, малыш.

– Собираешься снова меня ударить?

Она усмехнулась.

– Только если ты тормоз.

Я шагнул вперёд.

– Хорошо. А теперь закрой глаза и сделай ещё один шаг.

Я вздохнул. К тому времени я уже почти забыл, какой урок она пыталась мне преподать, но всё равно подчинился. Закрыв глаза и шагнул вперёд. Каблук моего ботинка попал на камень, который выскользнул из-под ноги. Спустя секунду я уже сидел на заднице и бранил Фериус.

– Почему ты упал? – спросила она.

Я заставил себя подняться.

– Потому что ты вынудила меня закрыть глаза!

– Я положила туда камень?

– Нет, но ты же знала...

– И ты тоже знал, малыш. Ты видел землю и видел камень. Но закрыл глаза и узрел только темноту. Почему же ты не увидел землю и камень?

– Потому что зрение работает не так?

Она взяла мою руку, подняла её и сунула стальную метательную карту между моими большим и указательным пальцами.

– Ты её чувствуешь?

– Едва-едва.

Она показала на дерево позади себя.

– Как думаешь, сможешь попасть в сучок на том дереве?

– Нет.

– Почему нет? Ты попадал в более сложные цели.

Я крепче сжал стальную карту. Я даже не был уверен, что мускулы мне подчиняются.

– Потому что яд по-прежнему действует мне на нервы. Я не чувствую карту, поэтому не могу прицелиться, и у меня всё ещё слишком плывёт перед глазами, чтобы я сфокусировался на дереве, а мышцы слишком слабы для точного броска.

Фериус фыркнула.

– Малыш, дерево всего в нескольких метрах отсюда. Ты знаешь, где оно находится, и точно уверен, что держишь карту, и твои мышцы способны её метнуть.

Я сделал шаг вправо, чтобы не попасть в Фериус, ещё секунду смотрел на дерево, потом завёл руку за спину и швырнул карту. Сначала она осталась в руке – я слишком крепко её держал. Когда же она отправилась в полёт – просто плюхнулась на землю у моих ног.

– Попробуй ещё раз, – сказала Фериус, протягивая мне другую карту.

Я её вернул.

– Сначала покажи.

Фериус вздохнула, выхватила у меня карту и, даже не взглянув на цель, метнула её за спину. Стальной край воткнулся в центр сучка на стволе дерева.

– Как такое возможно? – спросил я.

Она подняла руку, растирая пальцы.

– Я чувствую их не лучше, чем ты свои. И едва их вижу. Руки как мёртвый груз. Это яд в теле.

Она постучала пальцем по моему виску.

– Остальное там, внутри, заставляет верить, будто ты не можешь бросить карту, потому что не чувствуешь её. Обманывает тебя, заставляя думать, будто ты не можешь попасть в дерево только потому, что не видишь его как следует, хотя ты видишь цель.

– Итак, ты просто...

– Доверие, стойкость и вера, – произнесла она. – Вставай, даже если твой разум говорит, что ты не можешь встать. Дай сдачи, даже если твой страх говорит, что надежды нет.

Она закрыла мне глаза одной ладонью, а другой вложила в руку ещё одну стальную карту.

– Доверься своей памяти, и она подскажет, где находится цель. Доверься своей руке, и она вспомнит, как надо бросать. И прежде всего доверься своему сердцу, чтобы оно вело тебя прямым путём.

Я почувствовал, как она убрала руку и отошла в сторону. Я не открывал глаз и, хотя не чувствовал, как двигаю рукой, замахнулся и метнул карту.

– Ну? – спросила Фериус. – Не хочешь взглянуть, попал ли в цель?

Я отвернулся и пошёл за нашими сумками, чтобы мы могли отправиться в путь.

– Полагаю, я просто поверю, что попал.

Я уловил в её голосе нотки восхищения, когда она последовала за мной.

– Вот и конец урока, малыш.

Тут я снова стал собой, едва ощущая, как Ториан Либри тащит меня в комнату, где я скоро окажусь во власти тех, кто меня там поджидает. Я то терял сознание, то снова приходил в себя, запертый в ловушке подземелий дворца, где меня не сможет найти никто, кому есть дело до того, жив я или мёртв. Паралитический яд, которым Ториан смазала ноготь, был настолько силён, что я не мог пошевелить ни единым мускулом... Я даже не ощущал своего лица, хотя прекрасно всё слышал.

– Почему он улыбается? – спросил некто.

Глава 5. Шептуны

Я очнулся от слепящего света – смертельной угрозы и самого неожиданного спасения.

– Мы предупреждали тебя, Маленькая Тори, – произнёс хриплый женский голос, похожий на неодобрительный крик стервятника, кружащего над гниющей тушей на песке.

«Хех. „Маленькая Тори“. Поскорей бы назвать её так, когда она в следующий раз меня арестует».

– А я говорила тебе, – возразила Маленькая Тори – её тон напоминал то птичье пение, то скрежет лезвия бритвы, – если бы ты просто позволила меткому магу объясниться, в этом спектакле не было бы необходимости.

– Совет так не думает, – произнёс более низкий голос. Я представил себе самодовольного верблюда, стоящего на задних ногах посреди пустыни и готовящегося начать длинную проповедь о благородной природе песка. – До нас дошли о нём тревожные шепотки.

«Странный выбор слова. Он будто сказал... Вот чёрт. Шептуны!»

Уже несколько месяцев до меня доходили слухи о том, что в императорском дворце действует группа высокопоставленных генералов, шпионов и маршалов. Каждая крупица информации, добытая разведкой о возможных угрозах империи, сперва проходила через них, чтобы сведения отфильтровали, обсудили и, наконец, устранили угрозу. Эти двенадцать мужчин и женщин, насколько я мог судить, не обладали никакими официальными юридическими полномочиями – хотя я обнаружил в королевских отчётах мимолётные упоминания о так называемом Имперском Совете стратегической подготовки. Посвящённые называют их Шептунами.

Каждый раз, когда я заговаривал с Ториан о возможном существовании этой тёмной группы, та смеялась мне в лицо.

– Он идиот, – заявила она сейчас. – Фигляр, который торгует карточными фокусами и остроумными шуточками. Он не опасен для королевы.

– Интересы Совета простираются дальше личности Джиневры! – твякнул новый голос, тонкий и пронзительный, как у рассерженного суриката, выскакивающего из норы в песке. – Мы служим империи.

– Совершенно верно, – согласился верблюд.

«Почему в этой пустыне так чертовски жарко?» – удивился я.

Мне всё время хотелось перевернуться, чтобы скрыться от шести солнц, танцующих в небе над головой, пока они не прожгли дыры в моих веках.

«Это не солнца, идиот. Должно быть, лампы, раскачивающиеся на цепях, вделанных в потолок. Возьми себя в руки. Используй арта фортезия, избавься от яда, как тебя учила Фериус, чтобы выбраться отсюда! Правильно. Хороший план. А что такое арта фортезия?»

– Хватит! – пронзительно крикнула стервятница. – Нет смысла тянуть резину. Если верить свидетелю...

Последовала пауза, во время которой у меня появилось ощущение, что она имеет в виду кого-то, находящегося в комнате.

– У нас нет причин сомневаться в его показаниях, – прошипел сурикат.

– Даже если мы доверимся его показаниям, – добавил кто-то новый, возможно, кобра или шипящий крокодил, – опасность для империи слишком велика. Мы должны действовать сейчас, пока не упустили шанс.

Стервятник снова взял слово.

– Именно. Мы все знаем, что меткий маг – тёмная лошадка, что он склонен принимать опрометчивые решения, основанные на его вздорном и сомнительном моральном кодексе. Хуже того, он имеет слишком большое влияние на королеву. Поэтому либо мы убьём его сейчас, либо... Вообще-то я не вижу альтернативы.

– Я голосую за казнь, – сказал сурикат.

– Точно, – выплюнул верблюд.

Несколько других – возможно, две выдры и некий поющий страус – быстро согласились.

«Что ж, все они говорят, как прекрасные, честные граждане, – подумал я. – Похоже, лучше их убить».

В течение следующих нескольких минут я почти не обращал внимания на их слова – они просто по очереди обсуждали необходимость моего уничтожения. Вместо этого я сосредоточился на том, что голоса рассказывают о комнате, в которой я нахожусь. Каждый раз, когда один из собравшихся подавал голос, звук доносился с другой стороны. Они или стояли, или сидели вокруг меня.

У меня ныла спина, значит, я лежал на чём-то твёрдом, но я отчётливо помнил, что Ториан поймала меня прежде, чем я упал на пол. Кроме того, мне не было холодно. Камень высасывает тепло из тела быстрее, чем холодный воздух, значит, я лежу на деревянном столе, вероятно, в центре комнаты.

«Они расселись вокруг меня, как обжоры, готовые разделать жареного поросёнка».

Ториан помешала мне сосредоточиться, закричав достаточно громко, чтобы заставить замолчать остальных:

– Следующий, кто прочтёт мне лекцию о необходимости сделать трудный выбор во благо империи, очнётся со сломанной челюстью! – объявила она. – Никто не убьёт этого идиота, кроме меня!

Я был тронут. Типа того.

– Подобный приговор может быть вынесен и вашей голове, лейтенант Либри, если вы снова начнёте угрожать Совету, – предупредил верблюд.

«Не верблюд, – напомнил я себе. – Человек. Которого, возможно, вскоре придётся взорвать».

Мой мозг теперь хотя бы приближался к своему обычному медленному темпу работы, поэтому я переключил внимание на тело. Исподтишка, методично я начал напрягать и расслаблять мускулы один за другим, хотя не чувствовал, как они работают. Онемение нервных окончаний в течение некоторого времени, как правило, приводит к быстрой дыхательной недостаточности. Значит, либо я получил от Ториан смертельную дозу яда, либо я вскоре смогу сделать свой ход.

Теперь мне просто нужно что-то предпринять.

Большая часть дворца была защищена от магии джен-теп, поэтому моё взрывное заклинание, скорее всего, не сработает, даже если я смогу вернуть себе достаточно проворства – а я, скорее всего, не смогу. Для магии кастрадази тоже нужна ловкость пальцев, иначе монеты не заставят танцевать. Если я попробую сейчас что-нибудь настолько сложное, монеты просто разлетятся по всему полу. Даже мои стальные метательные карты требовали тщательного прицеливания, что бы там ни говорила Фериус.

«В ближайшие дни нужно придумать способ убивать людей, не чувствуя рук».

– Шестеро из нас проголосовали за смертный приговор, пока безрассудство меткого мага не поставило под угрозу и корону, и империю, – сказала стервятница, называвшая Ториан «Маленькой Тори».

«Предки, пожалуйста, позвольте мне прожить достаточно долго, чтобы назвать её так хотя бы раз».

Стервятница продолжала:

– Давайте выслушаем остальных членов Совета. Требуется ещё один голос, чтобы набрать необходимое большинство, поэтому поторопимся. Нам нужно обсудить более важные дела.

Её голос звучал где-то рядом с моим правым ухом. В голове у меня начал складываться план. Не слишком хороший, но, с другой стороны, планы никогда не бывают слишком хорошими, пока их успешно не претворят в жизнь.

Вот тогда они становятся чертовски гениальными.

Эту забавную штуку стоит попробовать: представьте, что вы быстро катитесь и одновременно вытаскиваете стальную карту из кожаного футляра, пристёгнутого к вашему правому бедру. Не очень трудно, правда? Проблема в том, что, не чувствуя рук и ног, вы понятия не имеете, сработало идеально или вы просто плюхнулись на живот, как мёртвая рыба.

Затем представьте, что ваша свободная рука оттолкнулась от стола, подняв вас на колени. Лучше проделать это быстро, иначе кто-нибудь в комнате успеет ударить вас, пырнуть или иным образом прервать ваш дерзкий побег.

Опять же, поскольку вы ничего не чувствуете, вы понятия не имеете, удалась ли ваша задумка.

Но будем оптимистами.

...Подними ноги и сильно оттолкнись от стола – не слишком сильно, в противном случае, ты без всякого изящества врежешься в дальнюю стену. Нет, ты должен вложить в прыжок столько силы, сколько требуется для того, чтобы приземлиться прямо за стулом, о существовании которого ты можешь только догадываться.

Теперь, если ты вообще двинулся и это не было последней, отчаянной галлюцинацией, вызванной подбирающимся к сердцу ядом, развернись и приложи стальную карту, которую ты вытащил – помнишь про карту? Не роняй её! Ты должен осторожно приставить её острым краем к шее женщины, за несколько секунд до этого требовавшей твоей казни.

Ах да, и последнее: проделай всё это с закрытыми глазами, потому что ты так долго пролежал под полудюжиной ламп, что сейчас почти слеп.

Трудно? Да это совершенно невозможно!

С другой стороны, обучение у сумасшедшей аргоси, которая учит драться в танце, преподаёт языки под музыку и приобщает к искусству стойкости, принуждая «доверять себе», очень часто окупается.

– Та-дам! – объявил я комнате.

И открыл глаза, чтобы посмотреть, чего же я добился. Тут-то и начались... трудности.

Глава 6. Талант влипать в неприятности

Перед моим затуманенным взором предстала дюжина похожих на троны деревянных стульев, стоящих вокруг длинного овального стола. На железных цепях, вделанных в потолок, висело шесть медных ламп. Одна раскачивалась сильнее других, и это объясняло, почему у меня сбоку болела голова. Хорошие новости: теперь я стоял как раз за одним из этих дубовых тронов, и край моей стальной карты прижимался к мягкому горлу женщины. Всё, что мне оставалось сделать – использовать её, чтобы выбраться отсюда целым и невредимым.

Постепенно я всё отчётливей начинал видеть свою пленницу. Она оказалась старше, чем можно было судить по голосу; в её жёстких волосах, собранных в пучок, блестело больше серебра, чем меди. Но она сидела прямо и расслабленно. Похожие на верёвки мускулы по бокам её шеи наводили на мысль, что женщина прекрасно может постоять за себя в бою.

– Арта эрес? – спросила она, даже не взглянув на меня.

– Это танец, – ответил я. – Арта фортезия – стойкость.

Она вздохнула.

– Ненавижу аргоси.

– Я частенько такое слышу. Но вряд ли мы знакомы. Я Келлен.

– Эмельда.

– Красивое имя.

Карта у её горла слегка дрогнула.

– Постарайся не нервировать меня, Эмельда. Ну, знаешь, не выводи меня из себя.

– Впечатляющий спектакль, – заметил верблюд.

На самом деле это был высокий мужчина с седыми волосами и невероятно длинным лицом. Тонкий палец с хорошим маникюром потянулся к одному из маленьких углублений, расположенных перед ним на столе полукругом.

– Увы, сейчас ты поймёшь, что комната хорошо защищена.

Он нажал на кнопку, и я услышал тихий щелчок за мгновение до того, как тонкий болт вылетел из отверстия в потолке и воткнулся на три дюйма в центр стола, где я лежал всего несколько минут назад.

«Что ж, круто», – мысленно признал я.

– Дай угадаю, – сказал я вслух. – Комнату проектировали гитабрийские контрабандисты? Нет, постой, не отвечай. Мёртвые гитабрийские контрабандисты, верно? Я имею в виду: вы, Шептуны, помешаны на секретности, не так ли?

Длиннолицый передвинул палец ко второму углублению.

– Для столь проникательного человека ты удивительно плохо умеешь делать очевидные выводы относительно собственной судьбы.

Я получил некоторое удовлетворение от того, насколько паршиво он блефовал.

– Могу я для начала просто сказать, что иметь тайную комнату с самострелами для убийства собственных гостей, – это жутко? Кроме того, я немного сомневаюсь, что за каждым из ваших тронов есть механические дротики.

Я взглянул на сидящего на другом конце стола.

– И, наконец – ты, парень, который наставил на меня своё оружие! Кстати, хорошенькая штучка. Знай, что стоит тебе дёрнуться, и я перережу горло твоей коллеге так быстро, что ты проведёшь остаток такого очаровательного дня, стирая её кровь с этого восхитительного стола.

Следует отметить, что я не видел, чем занимаются другие сидящие в креслах люди, не говоря о том, чтобы разглядеть оружие, направленное на меня. Как же я узнал, что оно существует? Да потому что в комнате, полной безжалостных, коварных шпионов и ассасинов, всегда есть кто-нибудь, готовый тебя убить.

Моя пленница застонала.

– Боги удачи и неудачи, – выругалась она. – Сохраните меня от аргоси и их идиотского арта валар.

– Эй, вы всё правильно поняли! – ободряюще сказал я и прижал острый край стальной карты к горлу Эмельды ровно настолько, чтобы она ощутила боль. – А теперь встаньте, и мы с вами вместе покинем эту промозглую комнатёнку. Потом совершим приятную прогулку к королеве, и, может быть, вы объясните её величеству, почему только что пытались убить её любимого наставника.

– Ты же знаешь, насколько глупо это звучит, правда? – спросила Эмельда.

Я знал, но первое правило арта валар гласит: «Раз начав бахвалиться, не останавливайся, пока не начнётся драка».

– Хватит театральщины, – прошипел тот, кого я принял за крокодила. Когда он подался вперёд, к свету, я увидел, что на самом деле это довольно красивая женщина средних лет. – Опустит оружие, мальчик, и мы сможем всё обсудить.

– Не отпускай её, – предупредила Ториан. – Если предложение было выдвинуто, они смогут завершить голосование в любое время, когда захотят. Ты должен заставить их официально отклонить ходатайство о вынесении смертного приговора.

Эмельду, судя по всему, слегка обидели слова Ториан.

– Ты всегда была непослушным ребёнком.

Ториан подмигнула.

– А ты была ужасной матерью.

– Мы с отцом учили тебя защищаться, Маленькая Тори. Тебе следовало бы нас поблагодарить.

– Вы заставляли меня спать в гнезде с гремучими змеями до восьми лет!

– Сперва мы вырывали им клыки, – не сдавалась пожилая женщина. – Кроме того, мы не виноваты, что ты так долго не могла понять, как зачаровать нескольких простых рептилий.

«Погодите... Значит ли это... Неужели Ториан действительно умеет гипнотизировать людей?»

Ходили легенды, что несколько маршалов обучались древней приграничной магии: навыкам скрывающихся от правосудия охотников. Я всегда считал это лишь сплетнями, которые распускают сами маршалы, чтобы укрепить свою устрашающую репутацию. Но сейчас у меня имелись более насущные проблемы.

– Очень не хочется прерывать нежный разговор матери и дочери, – начал я, – но мне нужно кое-где побывать и спланировать смерть некоторых Шептунов... В смысле, очень важных людей.

– Ну тогда тебе лучше начать с меня, – сказала Эмельда. – Потому что я никуда с тобой не пойду, меткий маг.

В её голосе читались странные интонации, как будто я её чем-то обидел. Кроме того, что держал острый как бритва кусок стали у её горла.

В целом мой побег был не таким, как я надеялся. Конечно, и с самого начала шансы были невелики, но в своём стремлении не умереть я забыл, что безжалостных убийц часто не тревожит мысль о собственной кончине. Наверное, когда человек регулярно убивает, это должно вселять в него оптимизм при мысли о загробной жизни.

– Отмените решение, – убеждала остальных Ториан. – Объявите приговор недействительным.

– Я бы не слишком беспокоился о голосовании, – сказал я.

– Ты не понимаешь. Как только члены Совета выносят решение о чьей-нибудь смерти, их уже не остановить. За тобой будут посылать убийц снова и снова, пока работа не будет сделана. – Она снова повернулась к остальным. – Отмените решение. Немедленно!

– Нет! – заревела Эмельда. – Мы уже предупреждали тебя, Маленькая Тори, что меткому магу нельзя доверять. Мы дали тебе несколько месяцев, чтобы ты обуздала его, а ты потерпела неудачу.

– Думаешь, я не смогу организовать тебе проблем, мама? Если ты зайдёшь слишком далеко, я спущу своих маршалов на многих из вас и...

– ...и тогда не будет больше никакой службы маршалов, – сказал верблюд. – Шептуны защищали империю задолго до того, как появились первые маршалы. Мы будем существовать даже тогда, когда история забудет о вас.

«Что мне сейчас нужно, Фериус, – подумал я, в сотый раз жалея, что покинул свою наставницу-аргоси, – так это одно из твоих хитроумных спасений, когда ты делаешь несколько забавных замечаний, и все вдруг опускают оружие».

Как ни странно, мне действительно удалось прорваться, но не так, как я надеялся.

Спасение пришло с аплодисментами.

С одного из деревянных тронов поднялся человек и встал в свете раскачивающихся над головой ламп. Он был высоким, мощного телосложения, с густыми, идеально уложенными чёрными волосами. На его голове покоилась деревянная корона, изящно вырезанная и всё же далеко не такая царственная, как его точёные зубы. Черты его лица были достаточно красивы, чтобы заставить любого мужчину ревновать, и достаточно знакомы, чтобы я почувствовал холодок.

– Здравствуй, отец, – произнёс я.

Глава 7. Свидетель

– Как удивительно мелодраматично.

Ке-хеопс, Верховный маг народа джен-теп, хлопнул в ладоши, как будто моя близкая казнь была для него спектаклем.

– Свидетель вернётся на место и заткнётся к чертям, – сказала Эмельда.

Она по-прежнему не делала ни малейших попыток освободиться от острого как бритва края моей стальной карты, но лёгкое движение её плечей подсказывало мне, что женщина собирается сделать свой ход.

– Ах, ах, ах, – предупредил Ке-хеопс. Он на волосок приподнял указательный и безымянный пальцы правой руки – чего никогда бы не сделал, если бы не хотел, чтобы все в этой комнате поняли, что он готовит соматическую форму для заклинания. – Как ни забавна эта маленькая демонстрация дароменских интриг, боюсь, я не могу позволить вам и дальше угрожать моему сыну.

– Трясите перед нами своими пальцами сколько хотите, Верховный маг, – сказал верблюд. – Эта дворцовая гостиная отлично защищена от фокусов джен-теп. От человека вашего положения следовало бы ожидать большей осведомлённости.

– Как странно... – Ке-хеопс уставился на свою руку, как будто она принадлежала кому-то другому. – Я мог бы поклясться, что...

Он слегка дёрнул кончиками пальцев, одновременно произнеся односложное заклинание. Каскад красных искр заплясал на костяшках его пальцев, заставив верблюда ахнуть. Взгляд отца скользнул по остальным сидящим за столом.

– Похоже, великий и мудрый Совет Шептунов введён в заблуждение относительно того, насколько эффективны против истинного лорд-мага обереги, на которые вы полагаетесь.

– Это невозможно! – заявил сурикат (на самом деле худой, как хлыст, молодой человек лет на пять старше меня). – Дворцовая защита уже более ста лет остаётся непробиваемой!

– Времена меняются, – парировал Ке-хеопс, сжав руку в кулак и погасив невозможную молнию.

Сурикат, верблюд и ещё несколько человек посмотрели на Эмельду. Та лишь пожала плечами.

– Джен-теп целую вечность знают о нашей защите. В конце концов они должны были найти способ обойти её.

Ке-хеопс слегка кивнул, как будто она только что лично похвалила его за гениальность. Как ни странно – хотя всё свидетельствовало об обратном, а мой отец ненавидел обман – я готов был поклясться, что он только что их обманул.

– Положи карту, Ке-хелиос, – сказал он. – Никто не причинит тебе вреда.

«Ке-хелиос».

Несколько месяцев назад моя сестра Ша-маат сказала мне моё имя мага – подарок от отца, по крайней мере, так она утверждала. Я ей не поверил. Ке-хеопс всегда считал меня жалким разочарованием, ещё до того, как они с матерью связали меня контрмагией. Они украли у меня все шансы зажечь какую-нибудь татуировку, кроме татуировки дыхания. Я считал, что мне никогда не дадут имя мага. Услышать, как сейчас отец называет меня этим именем...

– Зови меня Келлен, – сказал я.

Он отмёл мой жалкий бунт взмахом руки.

– Детское имя. Несмотря на твоё нынешнее поведение, теперь ты мужчина. Сын дома Ке. Тебя зовут и всегда будут звать Ке-хелиос.

Отец наклонился вперёд, упёршись руками в стол. В льющемся сверху свете ламп поблёскивали семь зубцов его короны.

– А теперь положи свою дурацкую карту, чтобы я мог заняться делом, которое меня сюда привело.

– Не отпускай мою мать, – предупредила Ториан. – Пока Совет не отменит твой смертный приговор.

Для женщины, которая меня обманула, отравила и притащила сюда, она казалась чрезвычайно озабоченной моим благополучием.

– Клянусь предками, – выругался Ке-хеопс, раздражённо наморщив лоб и окинув взглядом Шептунов, сидевших за столом. – Будьте любезны отменить ваш так называемый «смертный приговор», чтобы мы могли заняться более неотложными делами.

Он поднял палец.

– Да, и прежде чем кто-либо из вас будет угрожать мне такой же чепухой, подумайте о том, что все принцы клана джен-теп знают о моей миссии здесь. Если я пострадаю от неких таинственных несчастных случаев или непредвиденных недугов, вы увидите, как каждый лорд-маг на континенте сотрёт в порошок дароменскую империю.

Он снова сел.

– Учитывая, что вышеупомянутая империя в настоящее время висит на волоске, это доставит значительные неприятности тем, кто отвечает за её существование, вы согласны?

– Чёрт, окуните меня в мёд и осыпьте красными муравьями! – прорычала Эмельда, опережая пыхтение и сопение остальных.

– Так точно, – сказал я. – Он и на меня так действует.

– Не начинай, аргоси. Я должна убить тебя здесь и сейчас просто из принципа.

Несмотря на то, что устроенная отцом демонстрация силы всех отвлекла, я ждал, когда же Эмельда сделает свой ход. Но, когда она его сделала, всё произошло слишком быстро и я не успел среагировать. Неожиданный укол ногтя, вонзившегося в кожу тыльной стороны моей ладони, – и пальцы мои обмякли, как мокрая лапша. Я выронил карту, и Эмельда ловко её поймала.

– Пожалуй, оставлю себе на память, – сказала она, засовывая карту в карман пальто.

Я несколько раз потёр руку, пытаясь оживить пальцы.

– Отравление людей – ваш семейный бизнес или что?

– Скорее хобби. Наш бизнес – устранять угрозы трону.

Ториан снова встала на мою сторону.

– И я уже говорила, что меткий маг не...

– Хватит, дорогая, – перебила Эмельда и кивнула моему отцу. – Свидетель прав, у нас есть более насущные проблемы, чем один крайне раздражающий шулер-аргоси. Я предлагаю перенести вынесение смертного приговора Ке-хелиосу...

– Келлену, – поправил я.

– Да всё равно. Совет Шептунов откажется от права тебя казнить.

– На срок не менее одного года, – добавила Ториан.

Она повернулась ко мне.

– Даже если они отменят приговор, один из них может просто потребовать проголосовать заново в любой момент, удобный для их порочных маленьких сердец.

Эмельда бросила на дочь испепеляющий взгляд.

– Будь твой отец здесь...

– Тебе понадобится лопата, если захочешь узнать его мнение, мама.

Бойкий ответ неприятно зацепил Эмельду, это было видно по её глазам. Но она быстро скрыла свои чувства.

– Прекрасно. Настоящим мы откладываем приговор Келлену из дома Ке на срок не менее одного года.

Остальные слегка поворчали и посетовали, но вскоре жалобы и ворчание рассеялись, как дым на ветру. Шептуны, по-видимому, так же быстро миловали, как и приговаривали.

Что не имело никакого смысла...

– Хорошо, – сказал отец, положив руки на стол, как будто это было его личное святилище, а все остальные явились сюда по его приглашению. – Обратимся теперь к...

– Погоди-ка минутку, – сказал я.

Отец приподнял бровь. Ториан покачала головой, предупреждая, чтобы я не давил на Шептунов. Наверное, она была права. Нет смысла тыкать в морду медведя сразу после того, как он пообещал тебя не есть.

– Вы жалкая, несчастная кучка лжецов, – выкрикнул я. – Вы почти поймали меня.

Поднялись яростные голоса. По столу застучали кулаки. Возобновились призывы к моей немедленной казни. Только Эмельда – стервятница – смотрела на меня, как на клоуна.

– Что ты задумал, аргоси?

Второе правило арта превис – восприятия. Каждый обман – это театр. Спектакль с актёрами, декорациями и реквизитом. Читайте между строк, и вы раскроете, какие у кого намерения. Я улучил минуту, чтобы размотать клубок всех поступков, которые привели меня сюда: арест, предательство Ториан, загадочный «суд» Шептунов, отец, вмешавшийся, чтобы меня спасти...

– Он прошёл испытание? – спросил я, показав на отца.

– Испытание? – спросил Ке-хеопс.

Обычно он прочно держит себя в руках, но в нём поднималась такая ярость, что я как будто смотрел на сухой куст, готовый заняться пламенем. Его взгляд можно было назвать испепеляющим, даже если забыть о том, что он знает по меньшей мере две дюжины заклинаний, способных превратить тело в пепел самым болезненным образом. Он перевёл взгляд с меня на Эмельду.

– О чём он говорит?

Вместо того, чтобы ответить, Эмельда с хихиканьем повернулась ко мне.

– Что ж, продолжай, мальчик. Если ты такой умный, почему бы тебе самому не ответить на свой вопрос: прошёл ли твой отец наше маленькое испытание?

– Не совсем, – ответил я. – Но он развеял некоторые ваши подозрения.

– Не говори обо мне так, будто меня здесь нет! – прорычал Ке-хеопс. На мгновение он стал похож на Рейчиса. – Я не школьник, чтобы мне устраивали испытания...

– Они хотели проверить твою реакцию, – перебил я.

Перебивать отца всегда было плохой идеей, но меня несло. Я поднял руку, подтягивая рукав, чтобы показать контрсигилы на своих тагуировках джен-теп.

– Шептуны знают о наших... непростых отношениях. Им нужно было понять, не является ли твоё присутствие здесь предлогом.

– Предлогом для чего?

Я пожал плечами.

– Либо для того, чтобы подобраться ко мне достаточно близко, чтобы в конце концов убить. Либо... может, наша вражда на самом деле – длинная афера, рассчитанная на то, чтобы пристроить меня при дароменском дворе, где я смог бы шпионить для тебя за королевой.

Я не упомянул, что моя семья на самом деле пыталась использовать меня именно таким образом.

Челюсти моего отца словно из железа. Когда видишь, как они сжимаются, это всегда выглядит слегка устрашающе. Он уставился на Эмельду.

– Что же, скажите на милость, вы решили?

И снова она жестом велела мне говорить.

– Если бы ты явился сюда, чтобы меня убить, отец, ты просто откинулся бы на спинку кресла и позволил Шептунам сделать это за тебя. Если бы мы всё время работали вместе, ты бы вмешался быстрее и нашёл какую-нибудь причину, чтобы они не причинили мне вреда.

– Вместо этого ты ждал, Верховный маг, – заметил верблюд, с любопытством склонив голову набок.

– Никакого плана, даже намёка на осознание собственных мотивов, – сказала Эмельда. Она перевела взгляд на Ториан. – Лишь инстинктивная реакция родителя, который любит своего ребёнка.

Мы с Ке-хеопсом одновременно рассмеялись.

– Каков отец, таков и сын, – сказала Эмельда.

Она встала. Несмотря на то, что она была невысокой и с виду ничуть не внушительной, у неё, тем не менее, была властная осанка. Глаза – скорее зелёные, чем голубые – так же завораживали, как и глаза её дочери.

«Чистые изумруды...» – сказал бы Рейчис.

– Хорошо, – начала Эмельда. – Мы сыграли в наши небольшие игры и повеселились. Все фигуры на доске, теперь настало время выслушать свидетеля.

Собравшиеся Шептуны – верблюд, крокодил, сурикат, выдры и остальные (мне предстояло узнать их собственные имена, чтобы мы с Рейчисом могли в скором времени нанести каждому из них полуночный визит) – обратили взоры к моему отцу. Ке-хеопс вытащил из складок своей мантии два маленьких мешочка. Отложил в сторону один и опрокинул другой. Сверкающий пурпурный песок рассыпался по поверхности стола, вздымая в воздух пыль, похожую на туман, оседающий под светом фонаря.

– Что это? – спросил сурикат. – Какой-то магический порошок?

– Просто песок, – ответил отец. – Собственно говоря, песок из вашего же города.

Он держал одну руку ладонью вниз над столом. Свет вспыхнул под его рукавами, это зажглись две его татуировки.

– Савёр-ет-аеоч, – негромко произнёс он.

Песок закружился, словно подхваченный сильным ветром. Сначала он поднимался и опускался волнами, но вскоре песчинки начали собираться в аккуратные группки, образуя на столе фигуры. Здания. Улицы. Каналы. И, в самом центре, этот дворец.

– Впечатляет, – согласилась Эмельда. И шёпотом спросила меня: – Магия песка?

Не знаю, почему она ожидала от меня ответов, но я не видел причин отказать ей.

– Думаю, магия железа и шёлка.

– Железо, шёлк и песок, – поправил Ке-хеопс. – И время тоже играет свою роль.

Остальные Шептуны поднялись с мест, подавшись ближе, чтобы внимательно рассмотреть модель. Она и вправду была замечательной – почти произведение искусства. Каждое здание и улица казались не только точно выполненными, но и отчасти живыми, словно случайные песчинки, скользящие по маленьким аллеям, были людьми, занятыми своими повседневными делами.

– Даром, – сказал отец, – нация, богатая ресурсами и влиянием. Военная мощь, какой никто больше не владеет. Пятьсот лет империя являлась главной политической силой континента.

Его взгляд скользнул по собравшимся здесь генералам, шпионам и маршалам, пристально глядящим на него.

– Это ваша столица. Ваш дом.

Он сделал паузу со всей театральной серьёзностью актёра, собирающегося произнести финальную реплику пьесы.

– А вот Даром через шесть месяцев.

По шелчку его пальцев все здания, улицы и сам дворец рухнули, превратившись в песчинки, рассыпанные по пустому столу.

Глава 8. Блесна и крючок

Хорошая афера состоит из двух частей. Первую мы называем «блесна». Потому что хорошая блесна всегда выглядит дорого, а вы отдаёте её бесплатно. В конце концов оказывается, что она стоит даже меньше, чем ваш дурачок за неё заплатил. В данном случае отец устроил убедительное представление, превратив мешок с песком в идеальную копию столицы Дарома, а затем поверг её в прах.

Вторая часть? Мы называем её «крючок», потому что с помощью него вы подсекаете рыбу.

Все члены Совета Шептунов тарасились на разбросанный по столу фиолетовый песок. Я же смотрел на крючок.

– Что в другом? – спросил я, указывая на кожаный мешочек, который Ке-хеопс по-прежнему скрывал во второй руке.

В ответ я получил взгляд, состоящий из равных долей раздражения и того, что (если бы так посмотрел любой другой отец) можно было бы спутать с родительской гордостью.

– Враг, – просто ответил он.

Эмельда смотрела на меня, но обратилась к отцу:

– И чего нам будет стоить одним глазком посмотреть на этого врага, о могущественный Ке-хеопс, Верховный маг народа джен-теп?

Сперва я задался вопросом – зачем ей понадобилось называть его титул, который официально не признавался дароменским тронном. Потом, конечно, пришёл ответ: таким образом Эмельда открыла торги.

Ке-хеопс отклонил предложение, покачав головой.

– Сведения, которые я привёз, очень дорого обошлись моему народу. Мой... эмиссар погиб, выполняя эту миссию.

– Мы обязательно прольём слёзы благодарности на похоронах вашего агента, – сказала Эмельда, одним движением руки призывая остальных Шептунов замолчать.

Ке-хеопс вытащил из складок одеяния свёрнутый пергамент, дорогой с виду, с золотой восковой печатью, которая мерцала, как живая, и бросил свиток Эмельде.

– Что это? – спросила она, поймав свиток.

– Отношения между дароменской империей и арканократией джен-теп слишком давно нуждаются в... пересмотре. Мы потребуем определённых гарантий, уступок и... скажем так – эволюции дипломатических отношений между нашими народами.

Возмущение Ториан было настолько ощутимым, что можно было практически почувствовать, как в комнате становится жарче.

– Любые подобные пересмотры входят в компетенцию королевы. Она правит нашей империей – на случай, если вам никто об этом не сообщил.

Ке-хеопс не обратил на неё внимания, он всё ещё не сводил глаз с Эмельды.

– Мы считаем более целесообразным иметь дело с теми, кто правит фактически, а не номинально.

Со своей стороны, Эмельда держалась совершенно непринуждённо в том, что должно было быть напряжённой и сложной дипломатической ситуацией. Она сломала печать, вызвав вспышку искр, которые выглядели так, будто могли поджечь свиток, но почти сразу погасли. Сперва пергамент казался чистым, затем на его поверхности проявились мерцающие золотые буквы.

Эмельда снова свернула пергамент, даже не потрудившись его прочитать.

– Королева – разумная девочка. Я уверена: если то, что вы принесли, и впрямь так важно для наших интересов, её убедят уделить должное внимание самому любимому союзнику Дарома.

Дароменская империя и арканократия джен-теп в общем и целом презирали друг друга, каждый смотрел на другую нацию свысока, как на едва цивилизованную. Однако Ке-хеопса как будто вполне удовлетворило такое неопределённое и неофициальное заверение. Он провёл рукой по столу, стряхивая песок. Когда он перевернул второй мешочек, оттуда высыпался куда менее впечатляющий жёлто-коричневый песок, навевший неприятные воспоминания о том, как я жестоко заблудился и чуть не умер от жажды.

Предки, но я действительно ненавижу пустыню.

– Савёр-ет-аеоч, – снова произнёс отец, его руки сложились над столом в соматические формы. И снова песчинки закружились и завертелись, принимая очертания сверкающего золотого города в пустыне.

– Вот враг, который уничтожит дароменскую империю и поработит её народ.

Человек, которого я принял за суриката, рассмеялся лающим смехом.

– Берабеск? Ожидаешь, что мы испугаемся кучки вздорных визирей? Эти люди даже не могут договориться, которому из шести священных текстов следовать, не говоря уж о том, чтобы объединиться под властью одного правителя. Жители Берабеска ещё не повесили своих визирей на самых высоких деревьях по единственной причине – в пустыне не хватает деревьев!

По-моему, невежественная и довольно фанатичная точка зрения. Прежде всего, в пустынях куда больше разнообразной флоры, чем думают некоторые; в том числе там растут впечатляюще высокие деревья. Я это знал, потому что меня чуть не повесили на нескольких из них во время моих неудачных путешествий по той прекрасной и гостеприимной стране.

Женщина, которую я принял за крокодила, заговорила присвистывающим шёпотом:

– Берабески – религиозный народ. Более многочисленный, чем любой другой на континенте, и к тому же опасный. Те, кого они называют правоверными, намного беспощадней, чем любые воины наших армий.

Это была правда. В своё время я сражался с парой правоверных. Сила, которую они продемонстрировали, привела бы в замешательство даже боевого мага джен-теп.

– Но они разобщены, – заметил верблюд. – Фракции внутри фракций, все спорят о том, какой из шести кодексов даёт представление об истинном лице их Бога. Любой визирь, завоевывающий слишком много силы и влияния, вскоре оказывается без головы.

Некоторое время Эмельда и Ториан молчали. Отец тоже сидел молча, его лёгкая улыбка выдавала, до чего ему нравится слушать, как ужасные дароменские Шептуны обсуждают пустыни. Лучшие аферы – те, в которых вы заставляете своих дурачков говорить о крючке, прежде чем поймали их на него.

Что касается меня, я повидал много мошеннических игр. Спустя некоторое время даже самые элегантные из них становятся скучными.

– Пора показать им твой магический трюк, отец.

Обычно он пресекал моё бойкое позёрство, но на этот раз улыбнулся. Произнёс себе под нос новый эзотерический слог и раскинул руки. В ответ золотые пески сдвинулись и перестроились, середина пустынного города начала расширяться, и, наконец, почти весь стол оказался занят храмом, в центре которого был высокий шпиль. Отец встал и очертил это строение кругом. Когда его пальцы дёрнулись, сыпучие песчинки превратились в крошечных людей на улицах, пристально глядящих на шпиль. Их становилось всё больше и больше, пока не начало казаться, что мы смотрим с облаков на толпы, поклоняющиеся чему-то на вершине шпиля. Тихий рёв поднялся из песчинок, трущихся друг о друга, когда маленькие песчаные фигурки подняли руки и потрясли кулачками. Я почти услышал, как они поют.

– Кого они приветствуют? – спросила Ториан.

Ке-хеопс в последний раз очень осторожно пошевелил пальцами у вершины шпиля, на ней появился балкон, и на балкон вышел человек в мантии, держа на руках ребёнка.

– Вот тот, кто их объединит, – сказал Ке-хеопс. – Тот, за кем самая большая армия, когда-либо виденная на этом континенте, выйдет на поле боя. Тот, кто поведёт их, чтобы уничтожить Даром.

– Младенец? – спросил верблюд. – Ты хочешь, чтобы мы боялись новорождённого?

– Это было одиннадцать месяцев назад, – отозвался Ке-хеопс.

Он вытянул ладонь, согнув пальцы так, словно держал циферблат часов. Потом слегка повернул руку. Пески снова изменили вид, и, когда толпа вскричала с ещё большим энтузиазмом, на балконе шпиля стоял мальчик на вид не старше пяти лет.

– Это было пять месяцев назад.

Его рука снова шевельнулась, и мальчик вырос у нас на глазах, теперь ему было не меньше восьми лет.

Верблюд ахнул.

– Но как...

Ке-хеопс в последний раз повернул руку. Теперь толпы стояли так плотно, что от одного взгляда на них делалось жутко. По краям улицы, окружавшей храм, появились новые фигурки, они бежали к остальным, раскинув руки в религиозном экстазе.

Мальчику на балконе было лет двенадцать-тринадцать.

– Через тридцать три дня у него день рождения, – сказал Ке-хеопс. – Визирь уже объявил, что ему подарят: они вручат ему отрубленную голову богохульной королевы Джиневры Даромской.

Мои пальцы скользнули в футляры с порошками – бессмысленный рефлекторный жест, учитывая, что мальчишка, кем бы он ни был, находился за добрую тысячу миль отсюда. Я почувствовал себя немного лучше, увидев, что Ториан держит в руке пару метательных ножей.

Эмельда стояла, прислонившись к столу. Она потянулась, чтобы прикоснуться кончиком пальца к песчаной фигурке, вызывавшей такое безраздельное обожание славящихся своей общённостью людей.

– Кто он такой?

Сначала отец колебался, но, когда он заговорил, я наконец-то понял, что заставило Верховного мага джен-теп искать помощи у тех, кого он всегда считал ничтожными варварами.

– Бог.

Глава 9. Вопрос

Вскоре Шептуны выгнали нас с отцом из комнаты. Полагаю, даже безжалостные Советы шпионов заслуживают уединения, узнав, что чужеземный Бог планирует уничтожить их цивилизацию.

Пока я шёл по коридору за отцом, сотни вопросов не давали мне покоя. У отца слишком длинные ноги, поэтому мне приходится бежать неуклюжей трусцой, а поскольку он выше, я должен был вытягивать шею, едва улавливая выражения его лица.

– Как тебе удалось сотворить заклинания в защищённой от чар комнате? – спросил я.

Он бросил на меня слегка удивлённый взгляд.

– После всего, что открылось в покоях Шептунов, ты первым делом спрашиваешь об этом?

– Мне нравится начинать с мелочей, прежде чем перейти к экзистенциальным угрозам божествам и геноциду.

Отец считает остроумные замечания почти такими же отвратительными, как карточные фокусы. На его лице мелькнуло раздражение.

– Поскольку ты склонен щеголять своими умственными способностями, Ке-хелиос, мог бы и сам ответить на этот вопрос.

Я пытался разгадать эту загадку с тех самых пор, как на костяшках его пальцев в покоях Шептунов впервые заиграли красно-янтарные искорки. Защитить материальное пространство от заклинаний проще, чем вы думаете, и за последнюю пару сотен лет королевская служба маршалов превратила такую защиту в нечто вроде искусства.

Поэтому, если вы разбираетесь в предмете, защита от магии не так уж сложна; вот почему маги, подобные моему отцу, не объявляют себя императорами мира и не подчиняют всех своей власти. Значит, у него был только один способ сотворить заклинание в самой безопасной комнате во всём Дароме.

– У тебя там кто-то есть, – сказал я.

Ке-хеопс сносно изобразил человека, совершенно забывшего, о чём шла речь.

– Эм? – буркнул он, сворачивая в другой проход, ведущий к следующей лестнице, поднимающейся из дворцовых подземелий.

– Я почти уверен, что у Шептунов есть способы проверки защиты каждый раз, когда они входят в ту комнату, – продолжал я. – Значит, один из них отключил защиту после того, как они начали собрание.

Я мысленно перебрал всех людей, сидевших за столом.

– Это был верблюд? Нет... Сурикат?

Ке-хеопс наконец остановился, слегка улыбаясь.

– Полагаю, один из них и вправду смахивал на суриката, а у другого, несомненно, была морда верблюда. Предположить, что один из них – лазутчик, тебя, наверное, заставил какой-то трюк аргоси? Может, арта превис?

Вопрос застал меня врасплох. Насколько мне было известно, отец никогда не задумывался о пути аргоси дольше, чем на пять секунд. С его точки зрения, от таких вещей Верховному магу не больше пользы, чем от глубоких знаний о рытье канав или вязании детских чепчиков. То, что за последние годы отец разузнал об аргоси хоть немного, означало, что он начал относиться к ним серьёзно.

– Вообще-то арта локвит.

Он нахмурил брови.

– Я думал, арта локвит – это языки?

– Арта локвит – это красноречие, а не просто языки, – пояснил я. – Один из первых принципов этого таланта заключается в том, что каждое высказывание служит определённой цели. Поэтому, когда кто-то болтает лишнее, например, когда сурикат продолжает упоминать темы, которые уже подняли другие, это значит, что в его намерения входит не выражение своего мнения, а нечто иное.

– По-моему, слишком много предположений.

– Вообще-то нет. Речь его была слишком ровной. Если бы он искренне беспокоился, что остальные за столом не разделяют его тревог, он бы повысил голос, когда стучал по столу. Он что-то скрывал, я уверен. – Я поймал взгляд отца. – Так же, как ты скрываешь сейчас.

Отец посмеялся над этим обвинением.

– И что, согласно твоим маленьким умозаключениям, я скрываю?

Как и большинство людей, гордящихся своей честностью и прямоотой, отец был прирождённым интриганом, но никудышным игроком в покер.

– Это самый долгий разговор в нашей жизни, когда ты не называешь меня слабаком, неудачником или предателем нашей семьи. Что тебе от меня нужно, отец?

Ке-хеопс не отвёл глаз. Я задумался – понимает ли он, что смотрит на меня взглядом человека, оценивающего потенциальную угрозу.

– Не здесь, – сказал он и пошёл вверх по лестнице.

Я последовал за ним, но слишком поздно заметил соматические фигуры, которые он составляет наполовину скрытыми в тени руками. Я услышал последний шепчущий слог неизвестного мне заклинания, как только поднялся на верхнюю ступеньку лестницы и обнаружил, что вместо потолка большого зала дворца смотрю в небо, полное звёзд.

Воздух охлаждал мои щёки, каменные полы под моими сапогами сменились мягким песком. Мой взгляд устремился к далёким огням города. Могучие башни поднимались над его стенами, достигая небес; тени, которые отбрасывали эти башни в свете луны, тянулись к нам.

– Махан Мебаб... – прошептал я. – Столица теократии Берабеска.

– Ты всегда хотел сыграть героя, Ке-хелиос, – произнёс отец. – Теперь я даю тебе прекрасную возможность.

Он показал на город.

– Всё, что тебе нужно сделать, это проскользнуть за те стены и убить Бога, прежде чем он уничтожит всё, что ты любишь.

Глава 10. Миссия

Трудно не запаниковать, когда все ощущения вопят, что ты в тысяче миль от того места, где, как ты думал, сейчас находишься. Мышцы нижней части тела сжимаются, готовясь к бегству, хотя чувство равновесия подводит. Руки трясутся, язык словно распухает от медного привкуса. Тошнота тоже не слишком веселит.

«Сосредоточься, – велел я себе. – Закрой глаза. Игнорируй внешний мир и доверься внутреннему голосу».

В такие моменты Фериус Перфекс любит повторять: «Дыши в пустоте, малыш».

Я так ненавижу эту фразу, что почти хочу, чтобы она не сработала.

– Хорошая иллюзия, – сказал я наконец, когда бешеный стук в груди начал стихать. – Но тебе следовало чуть лучше поработать над бризом.

Ке-хеопса беспокоила моя критика.

– О чём ты? Заклинание...

Я легонько помахал рукой перед собой.

– В сердце пустыни кожу больше сушит. И давление воздуха в таких низинах должно быть больше, чем в Дароме.

– Восхитительно, – прокомментировал отец. Я почти уверен, что он впервые сказал это своему сыну. – Твой разум должен был сам восполнить такие упущения.

– Не расстраивайся. Я чаще отбивался от магов, владеющих заклинаниями шёлка, чем большинство других людей, – предупредил я.

Я протянул руку за спину. Мои органы чувств настаивали, что там ничего нет, но напряжение мышц руки и предплечья говорило, что я прижат к стене дворца.

– А что будет, если кто-нибудь, идя по коридору, наткнётся на нас?

– Они будут обходить нас, даже не замечая нашего присутствия, – слишком самодовольно ответил отец. – Заклинание вызывает чувство неловкости у всех находящихся поблизости... огромный дискомфорт, который заставит избегать места, где мы стоим.

– Умно, – заметил я.

Отец ненавидит это слово.

– Вообще, это изобретение твоей сестры. Она стала настоящим экспертом в составлении сложных заклинаний. Слегка театрально, конечно, но порой её технология находит своё применение.

Мои уши не упустили слово «театрально». Ке-хеопс не мог смириться с мыслью, что способности дочери превосходят его собственные.

– Тогда, может, лучше послать Ша-маат сделать грязную работу?

Он так крутанул пальцами, что я чуть не упал на землю. Вокруг нас начали появляться фигуры, закутанные в одеяния жителей пустыни, полностью скрывающие лица, за исключением глаз, которые светились религиозным пылом. Половина людей держали мечи с зазубренными клинками под названием казхан. Другие носили на кончиках пальцев тiazхан – острые как бритва стальные когти, пробудившие у меня болезненные воспоминания о давно заживших шрамах на груди и спине.

– Правоверные, – выдохнул я.

– Религиозные фанатики, – пренебрежительно бросил отец, хотя не смог скрыть своей тревоги. – Если бы мы действительно стояли на их землях, они бы уже почувствовали присутствие моей магии. И сейчас охотились бы за нами.

Однажды я уже встречался с правоверными и, если бы не искусное мошенничество Фериус Парфекс – не говоря уж о свирепости Рейчиса, – никогда не пережил бы ту первую

встречу. Полагаю, стоит упомянуть, что ответственный за то, что за мной тогда пришли эти сумасшедшие, стоял сейчас рядом со мной.

– У правоверных в духовном арсенале появилось новое оружие, – продолжал Ке-хеопс.

Его пальцы снова шевельнулись, и одетые в льняные одежды воины опали на колени в песок. Они молились вместе в кругу, и кровь начала капать из их глаз и ушей.

– Это что-то вроде... проклятия.

– Проклятия?

Мой народ не верит не только в богов, молитвы и достоинства произведений публичного искусства, но и в проклятия.

Струйки крови, стекая по лицам правоверных, капали на песок, превращаясь в тонкие яркие ручейки, которые скользили к центру круга и сливались в единый алый поток. Струя вздыбилась, с шипением выпуская в воздух алый пар, и устремилась по земле прямо ко мне.

«Не вздрагивай! Это всего лишь иллюзия, так что не вздрагивай!»

Я вздрогнул.

– Мы называем это «Проклятием», – вымолвил Ке-хеопс. – Ни стены, ни заклинания не могут от него защитить. Болезнь, которую оно приносит, медленная, мучительная и неизлечимая.

«Думаю, это объясняет, почему он не хочет посылать на задание любимую дочь».

Ке-хеопс, казалось, угадал, о чём я думаю.

– У тебя есть преимущество, которого нет ни у одного другого мага нашего клана. Правоверные не могут выследить тех, чья магия слишком слаба, чтобы привлечь их внимание. – Он небрежно указал на широкополую шляпу на моей голове. – Серебристые иероглифы на твоей нелепой шляпе также доказали свою эффективность в маскировке от тех, кто ищет немагическими способами.

Это объясняет, почему моя мать упомянула, как трудно ей было высмотреть меня в магическом кристалле. Даже Нифения, довольно талантливая амулетчица, не смогла понять, как работают знаки на моей шляпе.

Одним движением руки Ке-хеопс заставил видения правоверных исчезнуть, оставив нас вдвоём в бескрайней пустыне.

– Что ж, позволь начистоту, – попросил я и показал на мираж светящегося вдалеке города. – Ты хочешь, чтобы я прошёл тысячу миль до Махан Мебаба, избежав встречи с армиями берабесков, визирями и правоверными, а потом ворвался в самый охраняемый в мире храм и убил Бога?

– Да.

– Тогда, по-моему, ты неправильно понял наши отношения, отец.

Я порылся в кармане и протянул ему карты, которые прислала мама.

– Когда в следующий раз увидишь Бене-маат, обязательно верни ей это. Мне они ни к чему.

Мой отец редко теряет дар речи. Он смотрел на карты в моей руке с лицом спокойным, как неподвижная вода, но ярость в его глазах заставила меня потянуться к футлярам с порошками. Шелла предупреждала, что однажды мой бойкий язычок заведёт меня слишком далеко.

«Предки, пусть это будет не сегодня. Я не готов».

Я уже собирался вытащить порошки, когда тыльной стороной руки отец ударил меня так сильно, что я отшатнулся. Когда я ударился о стену, из-за иллюзии пустыни мне показалось, что меня поддерживает сам воздух. Я не мог припомнить, когда в последний раз отец меня бил. Если в твоём распоряжении десятки заклинаний, с помощью которых ты можешь наказать непослушного ребёнка, такая чисто физическая реакция кажется... грубой.

Инстинкты, развившиеся у меня в течение последних трёх лет борьбы с врагами, пытавшимися запугать меня с помощью жестокости, вернули мне арта валар. Я улыбнулся Верховному магу народа джен-теп.

– А сегодня мы будем танцевать, отец?

«Неплохо, – подумал я. – Ты говоришь почти уверенно».

И вновь он застал меня врасплох, хотя на этот раз его слова ранили меня сильнее, чем я ожидал.

– Ты хотя бы представляешь, как сильно Бене-маат тебя любит? Она вырастила тебя, заботилась о тебе, её магия истекала кровью каждый раз, когда она пыталась исцелить тебя от Чёрной Тени.

– А потом она...

– Она совершила ошибку! – закричал отец. – Я совершил ошибку! Ни один родитель не должен видеть, как на лице его ребёнка расцветает Чёрная Тень, зная, что с каждым днём это приближает его к безумию! К безумию, которое овладело твоей бабушкой, сделав её настолько жестокой, что мне пришлось её убить!

Он так сильно сжал губы, что я понял: он сдерживается, чтобы не ударить меня снова.

– Мы совершили ужасную ошибку. С тех пор Бене-маат каждый день искала способы восстановить твои татуировки, даже когда весь Совет нашего клана ей запретил. И после всего этого ты говоришь о ней с таким презрением?

Три года я был изгнанником, на меня охотились наёмные маги и ищейки (некоторых из них послал за моей головой отец), но я никак не думал, что он способен заставить меня ещё и почувствовать свою вину.

Наверное, я ошибался.

– Оставь карты себе, – сказал отец, возвращая их. – Они подарок судьбы. Это возможность для твоей матери поговорить с тобой на... на твоём языке. Ты должен их ценить.

Он ссутулил плечи, чего я никогда раньше не видел. Его гордо очерченные щёки и подбородок, казалось, обрюзгли от такой неподдельной усталости, что, будь у меня сердце добрее, оно заныло бы от сочувствия. Но я не мог выказать слабость. Слишком часто моя семья манипулировала мной в своих целях.

– Я не стану убивать ради тебя ребёнка, отец.

– Ты сделаешь это не ради меня. Ты сделаешь это ради неё.

Ещё одним движением пальцев он вызвал видение. Королева Джиневра стояла на коленях на земле, в её испуганных глазах отражался силуэт воина-берабеска, занёсшего над ней клинок-казхан.

– Визири приведут свои армии в Даром, и первое, что они сделают, проломив ворота дворца, – обезглавят маленькую девочку, которую ты, похоже, обожаешь гораздо больше, чем собственную семью. Они принесут её останки в дар своему Богу.

Меня пробрал холодный озноб, но я не позволил словам и иллюзиям отца затуманить мой разум.

– Тогда я найду другой способ её защитить. Королева никогда бы не попросила убить ради неё ребёнка. Кроме того – на случай, если ты не заметил – маршалы и Шептуны негативно относятся к тому, что я делаю за них их работу. Как думаешь, почему они заставили Ториан накачать меня и затащить в ту комнату для бессмысленного испытания, зная, что я попытаюсь сбежать, и просто желая посмотреть, смогу ли я...

Последнее слово замерло у меня на губах, когда до меня дошла абсурдность моих слов.

«Вот негодяй!»

Ке-хеопс рассмеялся, заставив изображение Джиневры исчезнуть.

– Для картёжника ты плохо умеешь прятать свою сдачу. Может, однажды тебе стоит научить меня той игре, которая так увлекает игроков... Как она называется? Покер?

Я не обратил внимания на насмешку. Я был слишком занят тем, что заново переживал каждый момент своего пребывания в покоях Шептунов.

– Они знали о Боге берабесков ещё до твоего появления.

Что я несусь. Конечно, Шептуны должны были знать или, по крайней мере, подозревать, что в Берабеске происходит что-то серьёзное. У них шпионы на всём континенте. Хотя визирь и охотился за иностранными агентами, кое-какие слухи, должно быть, просочились из Махан Мебаба и сделали свидетельства моего отца ещё более ценными.

– Они проверяли не тебя, – сказал я. – Они проверяли меня. Чтобы проникнуть в Берабеск и убить Бога, нужен некто, хорошо разбирающийся в магии, но тот, кого не могут выследить правоверные. Некто с необычайными уловками и мастерством. Некто верный королеве, не дароменский житель... Известный как бывший преступник, от которого легко отречься, когда его схватят, потому что преуспеет он или потерпит неудачу, правоверные не позволят ему уйти из Берабеска живым.

Отец смотрел на меня сверху вниз с чем-то сродни сочувствию.

– Ты выбрал жизнь изгнанника, Ке-хелиос. Путь изгоя. Тебе следовало бы знать, что найдутся те, кто попытается использовать тебя.

«И не все они оказались моими родственниками».

– Королева никогда не одобрит убийство ребёнка, – настаивал я.

– Даже ради спасения собственного народа? Численность берабесков втрое превосходит численность населения Дарома, владений джен-теп и Гитабрии, вместе взятых. Только вздорные религиозные верования берабесков не дают им господствовать на всём континенте. Этот их Бог, настоящий он или нет, объединит их в армию, какой никогда ещё не видел мир. Для визирей берабесков мы, остальные – язычники и богохульники. Берабески уничтожат всё на своём пути.

– Но почему я? – спросил я, чувствуя, что проигрываю спор, и говоря тоном именно такого капризного ребёнка, каким и считал меня отец. – В мире полно обученных шпионов и убийц. Почему я должен быть тем...

– Потому что ты гораздо опаснее любого наёмного убийцы, Ке-хелиос. Ты непредсказуем. Твои враги идут на тебя с мечами и заклинаниями, а ты побеждаешь их с помощью игральных карт и трюков с монетами. Наёмные маги, маги-ищейки, лорд-маги... Все они встретили смерть от твоих рук. В мире, полном убийц и обманщиков, ты постоянно находишь способы выжить, извлекаешь знания из каждого столкновения, учишься, чтобы стать ещё опаснее для своих врагов, и всё это с помощью простого заклинания дыхания и взрывающихся порошков.

Отец стиснул моё плечо, но взгляд его сделался странно нежным.

– Возможно, это не входило в твои намерения, сынок, но ты превратился в самого грозного убийцу на континенте.

К сожалению, это были самые лестные слова, какие когда-либо говорил мне отец.

Ке-хеопс сотворил заклинание, и пустыня исчезла, оставив нас стоять в большом зале дворца в окружении дворян и придворных, занимающихся своими делами и совершенно не подозревающих о событиях, которые вскоре ворвутся в их жизнь.

Отец повернулся, чтобы оставить меня, и приостановился только для того, чтобы спросить:

– Кто, кроме обманщика, может надеяться убить Бога?

Глава 11. Долг

Должность королевского наставника даёт ряд привилегий, немногие из которых соответствуют столь пышно звучащему титулу. Например, в *Liberas Mandat*. В переводе с дароменского «Мандат свободного правления». Упоминается тот факт, что наставника нельзя осудить за какое-либо преступление без согласия четырёх пятых королевского двора. Ведь монарх, который может посадить своих учителей под замок за то, что те задают домашние задания, не приносит империи большой пользы. Конечно, это никогда не мешало маршалам меня арестовывать (как любит отмечать Ториан Либри, арест отличается от привлечения меня к судебной ответственности) каждый раз, когда я их злил.

Соответственно, *Consovi Mandat* дарует королевскому наставнику право на аудиенцию у королевы по первому требованию, но технически не мешает дюжине маршалов поприветствовать указанного наставника за пределами тронного зала и дать понять, что его избьют до полусмерти, если он неразумно решит воспользоваться своей прерогативой прямо сейчас.

Конечно, я понимал логику происходящего. То, что замышляли Шептуны – не говоря уж о моём отце, – дипломатическое преступление грандиозных масштабов. Если королева никогда не услышит о плане убийства Бога Берабеска, империи будет гораздо легче отрицать свою вину. Вот почему спустя час я обнаружил, что тащусь по верхней галерее, которая вела к помещениям, неофициально именуемым крылом наставников. Там находились мои личные покои – единственная привилегия, соответствующая репутации.

У королевы, по последним подсчётам, было семь наставников. В математике, в философии, в естественных науках, политике, истории, литературе и, конечно же, по играм в карты. На самом деле первую шестёрку можно не принимать в расчёт; умение играть в покер достаточно хорошо выручает в большинстве ситуаций.

За исключением тех случаев, когда ваши политические враги гораздо лучше вас разбираются в покере.

– И что тут за никчёмный, вшивый...

– Ты уже это говорила, – сообщил я Ториан Либри.

Она стояла, прислонясь к перилам галереи, нависающей над нижними этажами, и лёгкая улыбка на её губах дала мне понять: не будет никаких слезливых извинений за то, что меня отравили.

– Ты не дал мне закончить. Я собиралась добавить ещё несколько комплиментов к моему списку.

– Почему бы тебе не перечислить их в письме? – предложил я, проходя мимо. – А потом сделай мне одолжение и сожги его.

После этого сразу несколько вещей пошли наперекосяк, в основном связанные с рефлексами. Ториан, не привыкшая, чтобы от неё так небрежно отмахивались, схватила меня за руку.

– А ну, подожди секунду, чёрт тебя побери!

В последнее время меня хватало многие люди. Наверное, у меня было слишком много столкновений со смертью вперемешку со слишком скудными часами сна, поэтому я действовал скорее инстинктивно, чем обдуманно. Я развернулся к Ториан лицом, положил руку на её предплечье и вонзил пальцы в сгиб её локтя. Там есть группа нервов, которые болят, как семь вопящих демонов, если попадаешь в нужное место. Ториан вздрогнула.

– Дьявол! – выругался я. – Извини, я не хотел...

Проблема рефлексов в том, что они есть и у других. Ториан всего лишь сердито зыркнула, заноса левый кулак, но не поднырни я под него, мне достался бы удар такой силы, что вырубил бы меня. Выпрямившись, я попытался оставить между нами некоторую дистанцию, оттолкнув лейтенанта. Но Ториан была слишком быстра и повернулась боком, от чего мои руки

скользнули мимо. Она тут же повернулась ко мне, схватила меня, прижав мои руки к своим бокам. С самой мерзкой ухмылкой, какую я когда-либо видел, она откинулась назад и боднула меня в переносицу.

Кстати, мне очень нравится мой нос. Обычно я не трублю о нём, но он прямой, совершенно пропорциональный и, как ни странно, его никогда не ломали.

Я повернул голову вправо, чтобы лоб Ториан врезался в мою ключицу. Прежде чем та успела сделать вторую попытку, я скрестил руки за её спиной. Мы боролись за рычаги давления, и у меня возникло неприятное подозрение, что мы смахиваем на пару очень пьяных и неумелых танцоров, пытающихся уловить ритм музыки.

– Вы, ребята, можете проделывать такое в одежде? – спросил свистящий голос позади.

– Мы дерёмся, – ответил я. Моё желание не быть избитым до полусмерти перевесило смущение от того, что Рейчис видит нас в такой позе.

– О, когда мы начнём драться, картёжник, ты это поймёшь, – прорычала Ториан мне в плечо.

Она пару раз неуверенно попробовала ударить меня коленями по бёдрам. Профи не целят в пах, который и мужчины, и женщины инстинктивно защищают. Но есть место на внутренней стороне бедра, удар по которому может вызвать такую же сильную боль, а в придачу парализовать ногу.

– Перемирие? – предположил я, едва увернувшись после третьей её попытки.

Мышцы Ториан на секунду напряглись ещё сильнее. Я подумал, она собирается бросить меня через бедро, но в конце концов она расслабилась и сказала:

– Мир.

Мы оба отступили. Я тут же пригнулся – на случай, если она собирается ещё раз ударить меня наотмашь. Наверное, я выглядел глупо, но у меня было не то настроение, чтобы ей доверять.

– Вы уже закончили спариваться? – вежливо осведомился Рейчис.

– Спаривание выглядит по-другому.

Ториан подмигнула.

– Может, ты спариваешься неправильно.

Резонно было бы подумать, что после денька, который сегодня мне выдался, я в последнюю очередь стану краснеть, как какой-нибудь деревенщина, впервые забравшийся на сеновал, но так уж вышло.

Ториан, как ни странно, очаровало моё смущение.

– Знаешь, что мне в тебе нравится, меткий маг? У такого безрассудного, безответственного, невообразимо неуклюжего карточного шулера, – она протянула руку и нежно ущипнула меня за щёку, – есть очень милый белкокот.

Она повернула мою голову за подбородок, чтобы я посмотрел назад. В коридоре на задних лапах сидел Рейчис в пурпурной бархатной шляпе гитабрийского купца; шляпа на несколько размеров была больше его пушистой головы.

– Ты выглядишь по-идиотски, – заметил я.

Ториан прошла мимо.

– Не слушай его, господин белкокот.

Она наклонилась и восхищённо посмотрела на него. Ториан – одна из немногих людей во дворце, кроме королевы, которые признают, что Рейчис на самом деле разумен, тогда как остальные считают меня сумасшедшим, поскольку я верю, будто он со мной говорит.

– Ты, – сказала Рейчису Ториан, помахав пальцем перед его мордой, – выглядишь просто потрясающе. Думаю, тебе надо носить эту шляпку как можно чаще. Особенно когда вы с картёжником наносите визит королеве.

– Такие холосенькие... – проямлил Рейчис, склонив голову набок и заглянув ей в глаза.

Он сунул лапу в рот и вытащил то, что блестело даже в тусклом свете галереи.

– Что же ты такое притащил, парнишка? – спросила Ториан и протянула руку, чтобы взять предмет из его лапы.

Хотя я на неё злился, последняя крупница рыцарства во мне возобладала.

– Не надо! – предупредил я, пытаюсь предупредить Ториан, пока она не лишилась пальцев.

Даже не оглянувшись, она оттолкнула мою руку и протянула ладонь к белкокоту. Рейчис, предавая все инстинкты своего вида, вложил сверкающий синий камень в руку Ториан.

– Сапфир? – поинтересовалась она, поднося его к свету.

– Он ей нравится? – просвистел Рейчис. – Спроси, нравится ли он ей.

– Ты болван, – бросил я.

Ториан ухмыльнулась.

– Завидуешь?

Я и вправду завидовал.

– Конечно, нет, он постоянно приносит мне такие штуки, – соврал я.

Ничего подобного белкокот мне не приносит.

Ториан протянула свободную руку и почесала Рейчуса под подбородком.

Он ненавидит, когда так делают.

– О да... – проворковал он.

– Ты ставишь нас в неловкое положение, – сообщил я ему.

Кроме того, белкокоты не воркуют.

– Она не так уж плоха, – промурлыкал он, приподнимая подбородок, чтобы его почесали ещё раз. – Знаешь, что бы я сделал на твоём месте?

– Снял бы брюки и станцевал для неё?

Ториан выглядела такой шокированной, что на краткую секунду я готов был поклясться: на её щеках проступил румянец. Она повернулась ко мне лицом и пригляделась к сапфиру.

– Как думаешь? Хорошая замена на случай, если мне она когда-нибудь понадобится?

Забавно, какой обезоруживающей может быть великолепная улыбка. На самом деле она не должна срабатывать. Между красотой и порядочностью нет никакой связи. Во всяком случае, за последнее время я заметил отчётливую инверсию корреляции. И всё же в нас есть нечто, из-за чего нас влечёт к красоте – стремление, которое порой (особенно в случаях вроде этого) кажется таким же сильным, как Чёрная Тень.

– Не надо, – сказал я.

– Что «не надо»? – спросила Ториан.

– Я слышал, как твоя мать говорила, что в детстве ты училась очаровывать змей. Полагаю, ты просто практиковалась, чтобы позже очаровывать людей, не так ли?

Она пожала плечами. Даже пожатие было подкупающим.

– Не знаю. А у меня получается?

– Будем надеяться, что нет. Последние два человека, которые меня соблазнили, умерли.

Она сделала ко мне полшажка и, слегка приоткрыв губы, тихо сказала:

– Думаю, мне придётся положиться на свою маршальскую магию, чтобы держать тебя в напряжении.

Не сводя с неё глаз, я сказал:

– Убери нож обратно в карман, Ториан.

У неё в руках и вправду было оружие? Этого я не мог знать. Сам я, конечно, прятал в рукаве одну из стальных карт, а в ладони другой руки – монету кастрадази, ту, что я люблю называть «жалом».

Её улыбка сделалась шире. Ториан шагнула назад, не показывая ножа, который, как я теперь не сомневался, она прятала.

И тут я понял ужасную правду: Ториан всё это нравилось – угрозы, опасность, драки. Думаю, и мне бы они нравились, веди я другую жизнь. Но год назад я убил женщину, с которой впервые занимался любовью, спустя всего несколько дней после того, как злобный мерзавец по имени Пленитель овладел мной и чуть не заставил меня...

– Эй, – прошептала Ториан с неожиданным участием в глазах. – Мне очень жаль. Я не хотела...

Жалость в её глазах была для меня невыносима.

– Возвращайся к своим боссам, Ториан. Скажи им, что меня не интересует убийство какого-то бедного ребёнка, который, вероятно, не больше Бог, чем я.

Когда Ториан снова заговорила, в её голосе сквозило раздражение.

– Они мне не боссы. Я, как и ты, работаю на королеву Джиневру. Я, как и ты, предана ей.

– Так вот почему ты приказываешь маршалам помешать мне с ней увидеться?

Она застонала.

– Ну конечно, идиот! Я всё время пытаюсь сделать так, чтобы ты понял: защищать Джиневру – моя работа!

– Тогда, может, именно ты должна пойти и напасть ради неё на чужеземного Бога?

Ториан снова схватила меня за руку, доказав, что её несколько не беспокоит возможность ещё одной физической стычки.

– Думаешь, я этого не предлагала? Думаешь, я не умоляла Шептунов позволить мне сделать всё, что требуется?

В её голосе звучала мучительная искренность, заставившая меня замереть. Потом я отстранился.

– Ты самый знаменитый маршал во всём Дароме, – сказал я наконец. – Берабески поймут, что ты работаешь на империю.

Она кивнула.

– Это работа для изгоя, – выпалил я.

Она снова кивнула.

Я отвернулся от неё, не желая, чтобы она увидела слёзы в уголках моих глаз.

Я всегда плачу после драки, когда угроза смерти приходит и уходит. Тот лорд-маг из таверны легко мог заставить меня хныкать в постели даже в удачный день. Я оказался не готов к тому, что всего несколько часов спустя меня едва не казнила тёмная группа маршалов и шпионов. Но, если быть честным с самим собой, у меня навернулись на глаза слёзы не из-за двух упомянутых происшествий.

– Она знает? – спросил я. – Она согласна с этим... планом?

Ториан была любезна и не стала изображать неведение.

– Она королева, Келлен.

– Это не ответ.

Мягкое эхо шагов Ториан последовало за ней по коридору, когда она сказала:

– Я подумаю над этим.

Глава 12. Посланник

– И что теперь? – спросил Рейчис, прыгая рядом со мной.

«Наверное, рыдания и стоны без конца», – подумал я, но вслух этого не сказал.

Белкокоты не славятся склонностью к безутешной меланхолии.

– Очень долгая ванна, – ответил я. – Вслед за тем мы очистим королевские склады от сдобного печенья, а после выясним, действительно ли королева, которой мы согласились служить, такая, какой мы её считали.

Он вскарабкался по моей ноге и спине и устроился у меня на плече.

– Ты имеешь в виду, потому что не хочет ждать, пока появится орда религиозных психов и отрубят ей голову? Как думаешь, для чего она тебя наняла? Чтобы ты играл с ней в карты раз в неделю и пил чай?

Так и знал, что Рейчис встанет на сторону Ториан.

Но, по правде говоря, с тех пор, как я поступил на службу к королеве, в моей жизни стало гораздо меньше конфликтов, чем в те дни, когда я был вне закона. Да, в самом начале моей службы случился дворцовый переворот, но с тех пор – не считая нескольких недель наблюдения за тем, как участников заговора ведут на виселицу, в тюрьму или, в редких случаях, милуют, – всё превратилось в восхитительно скучную рутину.

Раз в неделю я играл с Джиневрой в карты. Иногда в обычные игры, иногда она намекала на заботившие её политические или военные вопросы, и тогда мы переходили к играм аргоси, назначая людям или проблемам отдельные карты, раскладывая их по-разному и извлекая всё, что можно, из получившихся узоров.

Когда я не выполнял обязанности наставника в картах, я немного шпионил здесь и там. Иностранцы часто пытались меня подкупить, чтобы убедить королеву согласиться на ту или иную просьбу. Я использовал эти не слишком утончённые беседы, чтобы по возможности разузнать об их истинных намерениях. Иногда, поздно вечером, мы с Рейчисом наносили тем людям короткий визит, чтобы проверить, не удастся ли убедить их пересмотреть свои планы.

В остальное время я ловил слухи о Фериус, не теряя надежды, что она проедет через земли Дарома, принеся с собой какое-нибудь бедствие, которое подскажет мне, где она сейчас. Я ужасно по ней скучал.

«Скучать по людям – не путь аргоси, – сказала бы она мне своим раздражающе протяжным голосом жителя приграничья. – Нельзя идти своим путём, если ты всё время оглядываешься».

Но я мог. Я всё время оглядывался. Видел её ухмылку, когда она вытаскивает курительную соломинку из-под жилета. Слышал её голос, когда она выдаёт новую часть лирической мудрости аргоси, в данный момент не имеющую смысла, но в конечном итоге спасающую мне жизнь.

Но больше всего мне не хватало того, что она помогала мне видеть мир иначе.

«Что бы ты посоветовала сделать теперь, Фериус? Я поклялся защищать королеву. Проще всего было бы пойти и убить этого так называемого Бога-короля, наколдованного берабесками. Помешать их народу и армии объединиться и развязать войну, которая, скорее всего, уничтожит половину континента. Разве это не Путь Грома?»

В любой конкретной ситуации аргоси рассматривают четыре пути: «Будь подобен воде, текущей вокруг конфликта». «Следуй за ветром, позволяя ему нести тебя туда, куда тебе нужно». «Стой твёрдо, как камень, держась того, что, как ты знаешь, – правда». Или «Ударяй, как гром, без колебаний, без угрызений совести».

Фериус никогда не была большой поклонницей Пути Грома.

Я подошёл к двустворчатой двери, ведущей в ванную комнату в крыле для учителей. Королевские наставники играют важную роль в Дароме, особенно когда монарху всего двенадцать лет. Поэтому в каждой из наших комнат была собственная ванная, но Рейчис предпочитал эти, с разнообразными приспособлениями для купания и изящно расставленными тарелками с печеньем.

– Как думаешь, ты сможешь помыться сам или попросить прислугу прийти и потереть тебе спинку? – спросил я.

Обычно белкокоты ненавидят людей; Рейчис мало кому позволит к себе прикоснуться, не заставив заплатить за это пальцем или, возможно, глазным яблоком. Но у него развилась извращённая любовь к баловству.

– Ну? – спросил я. – Так что же?

Только тут я уловил тихий, рокочущий храп, доносящийся с моего плеча.

– Рейчис?

Я поднял его, чтобы посмотреть, что происходит. Он приоткрыл глаза, посмотрел на меня мутным, невидящим взглядом – и снова заснул.

«Вот чёрт!»

Рейчис – крутой маленький поганец, но он уязвим для магии шёлка джен-теп. Те маги, которые о нём знают, обязательно начнут с заклинания сна, чтобы первым делом вывести его из игры. Вот почему я не взял его с собой в таверну, чтобы разобраться с лорд-магом. Тот парень слишком много о нас знал. Серебристые иероглифы на моей шляпе жителя приграничья защищали меня, но Рейчис всё время провалился бы без сознания. Я не хотел ставить его в неловкое положение.

Я осторожно опустил его на пол перед дверью в ванную. Расстегнул стальные застёжки на футлярах, висящих слева и справа на поясе, и сунул в них руки, чтобы вынуть по шепотке красного и чёрного порошков.

– Ты вполне можешь показаться, – предложил я. – Прошло уже несколько часов с тех пор, как я кого-то убил, а люди давали мне множество причин желать им смерти.

Никто не ответил. Ванны находятся всего в нескольких дверях от моих покоев, значит, кто-то, вероятно, поджидает меня в моей комнате. В покоях есть защита, как и в большинстве комнат дворца. Некоторые заклинания могут её обойти, но большинство форм агрессивной магии не сработают.

Я бесшумно двинулся по коридору к своей комнате; от порошков, которые я держал в руках, у меня уже начинала чесаться кожа.

– Последний шанс, – выпалил я. – Шелла, если это ты...

Я увидел, как мерцающие следы маскирующих чар перед самой моей дверью стали падаться. Я узнал почерк.

– Чёрт побери, Шелла! – выругался я прежде, чем она начала появляться. – Ты обещала, что больше не будешь этого делать. Может, он для тебя просто некхек, но Рейчис – мой деловой партнёр, и ты не имеешь права...

Я замолчал, когда маскирующие чары рассеялись и передо мной предстала Ша-маат из дома Ке, посол джен-теп при дароменском дворе. Я часто задавался вопросом, сколько часов моя младшая сестра проводит перед зеркалом перед каждой нашей встречей, тщательно укладывая светлые локоны, целую вечность выбирая платье, идеально подходящее к месту, где она будет стоять, когда появится, и к освещению именно в это время суток.

Сейчас она сидела, прижавшись к двери в мою комнату, простое чёрное платье некрасиво обтягивало её, золотистые волосы рассыпались по лицу. Я не видел её глаз, но по всхлипываниям понял, что развеиваются остатки маскировки и глаза тоже становятся различимыми.

– Шелла?

Она повернулась ко мне лицом. Маска горя и отчаяния была настолько чужда её чертам, что, клянусь, на мгновение я даже усомнился, что это она.

Я присел на корточки рядом, ища рану, признаки того, что на неё напали, магическим или иным способом.

– Шелла, в чём дело? Что с тобой случилось?

Слова вырвались у неё прерывистым, надрывным криком, таким жалким, что мне пришлось подождать, пока она их повторит, прежде чем я понял, что она сказала.

– Мама умерла.

Глава 13. Агент

Как только вы понимаете, что попали в засаду, ваше тело делает всё возможное, чтобы вас защитить. Мышцы живота сжимаются, готовясь к первому удару, руки поднимаются, чтобы прикрыть шею. Разум избавляется от всех мыслей, предположений и догадок, оставляя только два решения: царапаться или съёжиться. Это, по большому счёту, полезный инстинкт, призванный сохранить вам жизнь. Проблема возникает, когда на самом деле вы вовсе не попали в засаду.

Даже если ощущения говорят, что вы в неё попали.

– Что ты сказала? – спросил я, наверное, в третий раз.

Шелла всё ещё сидела, прислонившись к дверям в мои покои. Несмотря на её слёзы, я видел: она боится, как бы я не лишился рассудка.

– Бене-маат больше нет. Наша мать умерла.

Я никак не мог совладать с дыханием. Мои руки – обычно твёрдые в моменты опасности, благодаря обширной практике метания порошков в бою – дрожали так сильно, что только с третьей попытки я залез в карман и вытащил тринадцать карт.

– Она не может быть мертва! Она дала мне их только сегодня! Она...

Шелла попыталась схватить меня за руку, но у меня были рефлексы человека, ожидающего нападения. Я отдернул руку, и карты взлетели в воздух, призвав то заклинание, которое наложила на них Бене-маат. И стоило им упасть на пол, как они начали скользить на нужные позиции, окружая меня кольцом.

– Она послала тебе эти карты несколько недель назад, – сказала Шелла. – До того, как...

– Замолчи, пожалуйста! – взмолился я.

У меня раскалывалась голова. Вопросы возникали снова и снова, они мелькали так быстро, что не было времени задать один, прежде чем появлялся другой. Я даже не мог облечь их в слова, они больше походили на картинки... На символы, мелькающие передо мной, каждый из которых представлял собой пробел в моих знаниях. Внезапный зуд в левом глазу заставил меня снова и снова моргать; потом кожа вокруг глаза натянулась, как будто кто-то её щипал. Я почувствовал, как метки моей Чёрной Тени медленно вращаются, словно диски кодового замка.

– Брат, что с тобой происходит?

Голос Шеллы был далёким, приглушённым эхом, менявшим высоту звука, как ветер, летящий через каньон.

«Энигматизм», – поняла некая более здравомыслящая часть меня, когда отметины вокруг моего левого глаза изогнулись и повернулись.

Некоторое время назад я отправился в Аббатство Теней в поисках способа избавиться от Чёрной Тени. Там я повстречался с десятками других людей с такой же болезнью и выяснил: существует очень много форм Чёрной Тени, и кое-какими можно пользоваться почти как магией. Моя Чёрная Тень, конечно, отличалась от прочих, потому что была неестественного происхождения: моя бабушка обручила меня с Тенью, когда я был ребёнком.

Одним из побочных эффектов моих отметин является то, что я стал энигматистом – тем, кто может заглянуть в чужие тайны. Но вот в чём проблема: энигматизм срабатывает только тогда, когда я знаю, какой именно вопрос нужно задать, а это намного сложнее, чем кажется.

Даже в хаосе вопросов, проносящихся в моём мозгу, другие голоса щекотали задворки моего сознания. Воспоминания. Эхо.

Первое было эхом материнского голоса: «Прости, что приходится так неуклюже с тобой общаться, но я не смогла как следует воссоздать чудесное заклинание твоей сестры для дальней связи».

Но почему? Бене-маат была одним из самых совершенных магов нашего клана. Даже если она не смогла воспроизвести то конкретное заклинание Шеллы, зачем было трудиться, закладывая в карты сообщения, вместо того чтобы связаться со мной каким-нибудь другим способом или явиться в Даром лично?

Я вообразил щелчок, когда почувствовал, как первое кольцо меток моей Чёрной Тени разомкнулось.

Ещё одно воспоминание, на этот раз о Ке-хеопсе в покоях Шептунов... «Сведения, которые я привёз, очень дорого обошлись моему народу. Мой... эмиссар погиб, выполняя эту миссию».

Мгновенная пауза, запинка в последний миг при смене слов. Отец никогда не спотыкался на словах.

Щёлк.

– Бене-маат была эмиссаром, – сказал я вслух. – Это она принесла весть о Боге из земель Берабеска.

Голос Шеллы донёсся до меня далёким шёпотом, что смягчило настойчивость её слов.

– Брат, что бы ты ни делал, остановись! Твой глаз чернеет изнутри!

Но была ещё одна, заключительная, часть, и я снова услышал, как говорит отец – всего несколько часов назад внутри иллюзии пустыни, которую он создал для меня: «У правоверных в духовном арсенале появилось новое оружие... Это что-то вроде... проклятия».

Щёлк.

Последняя из отметин вокруг моего левого глаза изогнулась, и я кувырком полетел в страну Теней.

Коридоры дворца исчезли. Знакомые виды, звуки, запахи – всё исчезло. Шелла исчезла тоже. Вместо них появилось царство Чёрной Тени: небо над головой, вырезанное из эбенового дерева, земля подо мной – из оникса. Всё было чёрным, и всё-таки я совершенно ясно видел каждую деталь окружающего пейзажа.

И вскоре пожалел, что могу это видеть.

Бене-маат скачет галопом по тенистой пустыне. Её лошадь ранена, вся в порезах от казханских клинков и лезвий тиазханов преследующих её правоверных. Лошадь спотыкается, падает. Мама бежит, прихрамывая, к границе. Там кто-то есть, кто помогает ей, но я их не вижу. Почему? Почему они скрыты от меня?

«Ты не задал правильного вопроса, чтобы получить ответ», – говорит другой голос. Он мне знаком, хотя я не узнаю, кто это сказал.

Видение меняется. Правоверные берабески прекращают преследование. Песчаная буря бушует повсюду, не давая им продолжить погоню. Они собираются в кружок и...

Один из них снимает льняную одежду, разматывает её длинные полосы, пока не остаётся полностью обнажённым. Он ложится на землю в кругу остальных. Те, что с лезвиями тиазханов на пальцах, начинают вырезать слова на его груди, руках, ногах, лице. Его стоны боли заглушаются молитвами, которые поют его товарищи. Кровь сочится из слов, начертанных на его плоти, но берабески продолжают вырезать всё новые и новые слова, и постепенно его тело становится чем-то вроде алого писания.

Где-то вопит моя мать.

«Ни стены, ни заклинания не могут защитить его жертв, – сказал отец. – Болезнь, которую оно приносит, медленная, мучительная и совершенно неизлечимая».

Время идёт вперёд: не могу сказать, прошли дни, недели или месяцы. Сцена меняется, и я оказываюсь в знакомом месте. В том, которое я не видел более двух лет и которое заставляет меня испытывать такие страдания, на какие, как я думал, уже не способен. Это мой дом.

Бене-маат идёт по коридору. Она прекрасна, как всегда, её грация передаёт силу, которой нет больше ни у кого. Но что-то с ней не так. Что-то неестественное в её походке, она

идёт слишком медленно, пытаюсь заставить себя шагать более плавно и ровно. Ваза на соседнем столе падает и разбивается. Её босая нога наступает на осколок. Бене-маат вздрагивает, и только тут я понимаю, что у неё есть дюжина других крошечных, невидимых ран.

У неё растяжение запястья – она всего лишь потянулась за книгой на высокую полку; небольшой порез на ключице, появившийся ниоткуда, но теперь воспалённый, не желающий заживать, сколько бы заклинаний она ни произносила; когда она проходила мимо костра, пламя затрещало, и горящий уголёк обжёг тыльную сторону её руки.

Бесконечный поток несчастных случаев, нарастающая волна необъяснимых бед, которые рвут на части её волю. Теперь у неё проблемы с тем, чтобы воспользоваться магией шёлка. Перед этим погасла её татуировка железа. Частица за частицей крошечные недуги разрушают её.

– Брат, пожалуйста, – слышу я голос Шеллы.

Отметины вокруг моего глаза медленно закрываются, но сперва проклинаят меня ещё одним видением.

Мать стоит перед зеркалом, накладывая мазь на порез на ключице, но видит что-то под ним. Она распахивает верхнюю часть своего одеяния. На её коже на языке берабесков вырезано слово. Шрам выглядит старым, почти зажившим, но вчера его не было.

Чёрное солнце за окном поднимается и опускается, поднимается и опускается. Всякий раз оно возвращает меня к Бене-маат, стоящей перед зеркалом, видящей новое слово, начертанное шрамами на холсте её тела: каждое слово связано с новым несчастным случаем, новой бедой, неумолимо приближающей её конец.

«Проклятие» – так назвал это мой отец.

Я пытаюсь закрыть глаза, чтобы не видеть маму такой, но последние следы энигматизма открывают мне весь текст целиком. Я лишь немного знаю по-берабесски, но умею читать достаточно, чтобы понять: тонкие линии сами собой медленно вырезающиеся на теле моей матери, – слова радости. Благодетеля. Молитвы.

Мир Теней исчез, и я снова очутился в дароменском дворце, у дверей своих покоев. Сестра обнимала меня, чтобы я не упал.

– Он её убил, – произнес я вслух. – Правверные швырнули Проклятие, но они лишь призвали его силу. Они сделали это ради него.

– Кого? – спросила Шелла.

– Бога.

Город мечты

Дом – это чувства. Воспоминание о тёплой постели. Голоса твоих родителей, зовущих тебя завтракать. Дом – это не крыша и не четыре стены. Это вообще не место.

Может, именно поэтому его так трудно снова найти, если ты отсутствовал слишком долго.

Глава 14. Приступы гнева

Караван экипажей и повозок с припасами, растянувшийся на милю, а также сотни верховых солдат, слуг и дипломатов двигались по сверкающей западной имперской дороге со всем изяществом бронированного червя, скользящего по грязи. Каждый медленный шаг моей лошади напоминал о том, что я приближаюсь к дому, из которого давным-давно сбежал и куда поклялся никогда не возвращаться.

Дорога от столицы Дарома, до Оатас Джан-Ксана, города, где я родился, занимает девятнадцать дней. Совсем немного, если забыть о том, что до первого дня рождения Бога осталось всего несколько недель, а празднества в его честь включают в себя объявление войны. Так почему же королева, не говоря уж о Шептунах, медлила, неужели только чтобы присутствовать на похоронах женщины, с которой никогда даже не встречалась?

– Мило, тебе не кажется? – спросила Шелла, придерживав лошадь, чтобы подъехать ближе ко мне.

Я оставался в хвосте каравана, предпочитая избегать сердитых взглядов и приглушённых угроз магов из свиты моего отца. Королева постоянно проводила частные собрания в своём экипаже, и её советники – в число которых в эти дни всегда входил по крайней мере один Шептун – отлично справлялись с тем, чтобы меня к ней не подпускать.

– Мило? – переспросил я.

Шелла показала на бесконечную вереницу лошадей и повозок впереди.

– Империя почтила память нашей матери, отправив большую делегацию.

Мне было интересно, действительно ли она в это верит. Чрезвычайно пронизательная и смыслящая в политике и интригах, моя сестра всегда слепла, когда дело касалось нашей семьи. Может, именно поэтому она не смогла понять очевидного: никто не приводит столько генералов и конницы, чтобы отдать дань уважения жене незначительного иностранного государя. Такое множество военных собирают лишь потому, что это удобный способ перебросить несколько элитных подразделений поближе к границе Берабеска, не вызывая подозрений.

То была первая причина, по которой королева Дарома была готова потратить столько драгоценного времени, хотя день рождения Бога-ребёнка Берабеска быстро приближался. Вторая причина сводилась к простой арифметике: Оатас Джан-Ксан находится всего в одиннадцати днях езды на быстром коне от Махан Мебаба, столицы берабескской теократии. К тому времени, как мы предадим мою мать земле, мне придётся либо впервые совершить убийство по политическим мотивам, либо сидеть сложа руки и смотреть, как весь континент катится напрямик в ад.

– Брат? – окликнула Шелла.

Я показал на Рейчиса, который свернулся калачиком. Через минуту-другую он издаст рокошующий длинный храп (позже он будет отрицать, что храпел) и начнёт пукать, чем будет чрезмерно гордиться.

– Каждый раз, объявляясь, ты усыпляешь моего делового партнёра. Он терпеть этого не может.

Шелла возвела глаза к небу.

– Думаешь, я трачу магию шёлка на некхека?

– Эти существа предпочитают термин «белкокот», – сообщил я. – Почему он превращается в глупое животное всякий раз, когда ты появляешься?

– Ответ будет несколько... сложным.

Сестра привыкла забывать, что в те годы, когда мы были посвящёнными, я учился магии так же прилежно, как и она. Я овладел всеми вербальными заклинаниями, получил выдающиеся знания об эзотерической геометрии, и никто не мог сложить сложные соматические формы

точнее меня. Честное слово, я был настолько же искусен в магическом мастерстве, как и любой лорд-маг нашего клана. За исключением... Ну, вы знаете, той части, которая касалась реальной магии.

Шелла заметила выражение моего лица и вздохнула.

– Прекрасно. Помнишь заклинания, которые ты умолял меня сотворить, чтобы сохранить жизнь некхеку, когда тот, раненный, остался в пустыне, а тебя держали в плену в Аббатстве Теней? Эти заклинания требовали использования магии железа и связывающих кровь чар... И я не смогла потом полностью их удалить.

– Поэтому каждый раз, когда ты оказываешься рядом с ним...

Шелла посмотрела на спящего белкокота.

– По-моему, разновидность магической спячки. – Она подняла руку, демонстрируя мне, что её татуировка крови мерцает. – Часть моих сил истощилась, когда силы маленького грязного монстра восстановились.

Я наострил уши, услышав нехарактерную нотку нежности в словах «грязный маленький монстр».

– Ой, сестра... неужели ты питаешь слабость к грязному некхеку?

Её щёки порозовели.

– Не говори глупостей. Он отвратителен. Гнусен. Жаден. Развратен...

Она прервала перечисление его пороков и пустила свою лошадь ближе к моей. Потом нерешительно протянула руку, чтобы коснуться шерсти Рейчиса.

– Но я рада, что ты нашёл его, брат. Мне ненавистна мысль о том, что ты один.

Неожиданное и удивительно сострадательное чувство было подобно тёплому ветерку, который овеял нас обоих. Я сосчитал несколько секунд, пока сестра всё не испортила.

– Вот почему...

Четыре секунды, если вам интересно.

– ...когда эта ужасная история с берабесками закончится, ты должен вернуться в свою семью. Перестань изображать ожесточённого изгоя и займи законное место защитника нашего дома.

Я гордился тем, что у меня всегда есть остроумный ответ, когда Шелла заговаривает о моём возвращении в клан, но она прервала меня, прежде чем я смог придумать ещё один.

– Я не шучу, брат. Я уже несколько месяцев веду переговоры с отцом и Советом лорд-магов. Они простят твои преступления.

– Очень великодушно, сестра, но я ещё не решил, готов ли я простить их преступления. Так почему их предложения должны меня заботить?

Самодовольный взгляд Шеллы дал знать, что я её прервал, прежде чем она договорила.

– Потому что ты не единственный изгой, которого они готовы простить.

Вот это застало меня врасплох.

– Нифения? – спросил я.

– Неф-ария, – поправила сестра. – Да, брат, твоя девочка-мышка тоже может вернуться домой. С неё будет снято обвинение за убийство её отца.

То была первая настоящая уступка, которую Шелла сделала в наших непрекращающихся дебатах. Она презирала Нифению по причинам, которых я никогда не понимал. Чувства Шеллы, как меня уверяли, были взаимными. Я не видел Неф больше года, с тех пор, как она пришла, чтобы спасти меня из Аббатства Теней, и вернула мне Рейчиса. Радость, которую я испытал, увидев её в тот день, приглушило смятение во время нашего расставания.

«Я думаю, что люблю тебя, Келлен, но не буду знать наверняка, пока не встречу мужчину, которым ты однажды станешь, устав наконец быть мальчиком, которым некогда был».

Как может что-то, настолько обидное, быть в то же время вдохновляющим?

Шелла неправильно поняла мой неуверенный взгляд.

– Я предлагаю тебе жизнь, брат. Настоящую жизнь. А не странную сказку, в которой, похоже, ты хочешь сыграть роль.

Я кивком показал вперёд – туда, где примерно в полумиле от нас по имперской дороге катила карета королевы; Джиневра обсуждала важные государственные дела почти со всеми, кроме меня.

– У меня уже есть работа, спасибо.

Шелла бросила на меня один из тех властных, осуждающих взглядов, на которые способны только младшие сёстры.

– Твои навыки – да, я признаю, что у тебя есть навыки, брат, – принадлежат семье. Они существуют не для того, чтобы впустую их тратить, охраняя какую-то маленькую варварскую королеву, которая держит тебя рядом просто потому, что ты её забавляешь.

А потом Шелла сделала то, от чего у меня кровь застыла в жилах: протянула руку, провела пальцем вокруг своего левого глаза и сказала:

– Если только для твоей преданности чужеземной королеве нет какой-то другой причины.

«Что она имеет в виду?»

Я лихорадочно искал в этих лёгких, певучих, насмешливых словах истинный, скрытый смысл.

«Арта локвит, – подумал я. – Где мой проклятый арта локвит, когда он мне нужен?»

Существовало два возможных толкования едкого замечания Шеллы. Во-первых, она могла смеяться над моей верой в то, что дароменский двор с его армиями целителей и докторов однажды сможет найти лекарство от Чёрной Тени. Второе предположение было гораздо, гораздо хуже: что, если Шелла – а следовательно, и мой отец – знает, что королева Джиневра страдает тем же недугом?

Когда королеве исполнится тринадцать, по странному дароменскому обычаю она должна будет предстать обнажённой перед своим народом, не говоря уже о каждом иностранном посланнике со всего континента. Если она не сможет найти лекарство от Чёрной Тени или способ скрыть свою болезнь (гамбит, который наверняка провалится самым катастрофическим образом, если мой отец решит обнародовать правду), тот день станет концом её правления. Обещая сохранить её тайну, Ке-хеопс мог шантажом добиться от неё практически чего угодно.

Может, он уже это сделал.

Может, поэтому она не подпускает меня к себе?

– Брат? – окликнула Шелла. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Я снова попытался расслышать в её словах нотку сарказма. Но ничего не услышал. Возможно, она ничего не знала. Возможно, она просто затеяла очередную игру.

– Прости, Шелла, – сказал я. – Я не буду пешкой в...

– Ша-маат, – поправила она. Её тон стал резким. Сердитым. – Нашу мать звали Бене-маат. Нашего отца зовут Ке-хеопс, а тебя – Ке-хелиос. Почему ты так упорно дразнишь меня детским именем? Тебе приятно воображать, будто я не её дочь, а ты не его сын?

– Не знаю, – признался я. – Знаю только: что бы ни случилось, ты всегда будешь моей сестрой.

В моей голове эта фраза прозвучала хорошо. К несчастью, мои чувства совершенно не соответствовали настроению Шеллы.

– Тогда перестань заставлять меня выбирать между тобой и отцом!

К нам повернулись люди. На нас пристально смотрели. Сомневаюсь, что смог бы придумать более неловкие слова, чем те, какие сестра выкрикнула перед всеми этими солдатами, маршалами и слугами.

Шелла никогда не ругается. Она считает ненормативную лексику таким же признаком незрелости, как и то, что я упорно использую имена, данные нам при рождении. Поэтому, наверное, она не зря пришпорила лошадь и ускакала, бросив:

– И перестань быть таким чёртовым ребёнком, Келлен!

Глава 15. Похороны

Говорят, когда после долгого отсутствия ты возвращаешься туда, где родился, там всё кажется меньше. После того, как побывал в далёких империях, прогулялся по проспектам великолепных столиц, побродил по величественным ландшафтам и познакомился с культурами, сильно отличающимися от твоей, «дом» становится старомодным словом, которое может иметь самые разные смыслы, но в основном означает ностальгию по юности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.